

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

МЕЖДУНАЦИОНАЛИЗМ

Br-OH
ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

МЕЖДУ НАМИ ХИМИЯ

ХИМИЯ

Ирэн Весёлая

Между нами химия.

<https://litres.ru/74469194>

Аннотация

— Сколько ты стоишь, Таисия Ивановна? — в голосе Тимофея нет и тени того мальчишеского обожания, что было пять лет назад. Только ледяное презрение и ярость. — Ты не имеешь права так со мной разговаривать, Игнатьев, — шепчу я, пытаюсь скрыть дрожь в руках. — Имею. Я купил твое время. Твое внимание. Тебя. Разве не это ты сделала тогда, в Твери? Взяла деньги моего отца и исчезла, даже не попрощавшись?

Пять лет назад он был моим учеником. Наглым, избалованным мажором, который решил превратить мою жизнь в ад, а в итоге... заставил мое сердце биться ради него. Нас разлучили ложь, деньги и чужая жестокость. Я сбежала в глушь, чтобы спасти свою семью и забыть его глаза. Теперь мы встретились в Москве. Он больше не мальчик. Он — раненый зверь, жаждущий мести. Он не знает, что я храню секрет, который разрушит его мир окончательно. Секрет, которому три года, и у которого его упрямая складка у губ.

В книге вас ждут:

#От_ненависти_до_любви — когда искры летят не только от химии, но и от взаимной ярости;

#Запретные_чувства — учительница и бывший ученик;

#Встреча_через_годы — он стал мужчиной, она научилась быть сильной;

#Сын_от_бывшего — тайна, которую она хранит любой ценой;

#Сильный_герой — который пройдет через ад, чтобы узнать правду;

#Эмоции_на_пределе — приготовьте платки, будет больно и горячо.

Хэппи-энд обязателен!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Тимофей)	14
Глава 3	21
Глава 4(Тимофей)	29
Глава 5	36
Глава 6(Тимофей)	43
Глава 7(Тимофей)	50
Глава 8	58
Глава 9(Тимофей)	66
Глава 10	74
Глава 11(Тимофей)	83
Глава 12	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1

Старое зеркало в прихожей съемной квартиры на окраине Твери имело неприятную особенность — оно безжалостно высвечивало каждую пору на лице и каждую лишнюю ворсинку на одежде. Таисия замерла перед ним, затаив дыхание, словно это могло помочь ей стать невидимой.

Ей было двадцать три, но в зеркале отражалась женщина без возраста. Темно-синий жакет из плотной, суховатой шерсти скрывал изгибы фигуры, которые она привыкла считать своим проклятием, а не достоинством. Белая блузка с глухим воротником-стойкой была застегнута на все пуговицы, вплоть до самой верхней, которая теперь неприятно давила на горло, мешая сглатывать. Тася поправила очки в тонкой оправе — единственный дорогой аксессуар, купленный на последнюю стипендию. Они не только корректировали близорукость, но и служили идеальным щитом между ней и миром.

— Спокойно, Ковалева, — прошептала она, и её голос в пустой квартире прозвучал неестественно хрипло. — Ты просто идешь на работу.

Она потянулась к волосам. Волосы были её гордостью — тяжелые, каштановые, отливающие медью при правильном свете. Но сегодня им не место было на свободе. Она методично, прядь за прядью, скрутила их в тугой узел на затылке,

закрепляя шпильками так плотно, что кожу на висках неприятно стянуло. Теперь лицо стало открытым, строгим и совершенно чужим. Это была не Тася, а Таисия Ивановна. Химик. Педагог. Человек, которому нельзя ошибаться.

На кухонном столе лежал листок с расписанием и ключи. Рядом — старый кнопочный телефон мамы. Таисия на секунду прикрыла глаза, вспоминая их последний разговор. «Тасенька, ты там только держись. Это же шанс. В Ржеве нам таких денег вовек не видать...» Она знала. Знала цену каждой копейки, которая уйдет на лекарства, на оплату долгов, на то, чтобы мама могла просто дышать без хрипа.

Тверь встретила её промозглым октябрьским утром. Город казался серым, выстиранным бесконечными дождями. Таисия шла по тротуару, кутаясь в тонкое пальто, которое совсем не спасало от сырого ветра с Волги. Ноги в туфлях на небольшом устойчивом каблуке быстро начали подмерзать. Чем ближе она подходила к элитной гимназии, тем чаще её обгоняли тяжелые, лоснящиеся от влаги автомобили. «Мерседесы», «БМВ», огромные внедорожники — они бесшумно разрезали лужи, обдавая Таисию мелкой взвесью дорожной грязи.

Гимназия №12 не походила на школу. Это было здание с историей, отреставрированное так тщательно, что от него веяло не знаниями, а капиталом. Высокие кованые ворота, идеальный газон, который даже в октябре умудрялся выглядеть вызывающе зеленым, и камеры видеонаблюдения на каждом

углу.

На входе охранник в строгом костюме окинул её коротким сканирующим взглядом.

— К кому? — голос был лишен эмоций, как у робота.

— Ковалева Таисия Ивановна. Новый учитель химии. У меня назначено у Аллы Борисовны.

Охранник сверился со списком на мониторе, нажал кнопку, и турникет с тихим щелчком пропустил её внутрь.

Коридоры гимназии встретили Тасю запахом дорогого кофе и селективного парфюма. Здесь не пахло хлоркой или столовскими пирожками. Стены были выкрашены в благородный оливковый цвет, на полу лежал керамогранит, гасящий звуки шагов. Ученики, попадавшие навстречу, выглядели как модели из каталогов молодежной моды: идеальные стрижки, белоснежные воротнички, смартфоны последних моделей в руках, которые они держали с небрежностью людей, не знающих им цену.

Кабинет завуча находился на втором этаже. Массивная дубовая дверь с табличкой «Алла Борисовна Рудина. Заместитель директора по учебной работе».

Таисия постучала.

— Войдите.

В кабинете было тепло и душно. Алла Борисовна сидела за огромным столом, заваленным папками. Женщина лет пятидесяти пяти с идеально уложенным каре цвета «холодный блонд». Её взгляд, когда она подняла голову, напомнил Та-се прикосновение медицинского шпателя — холодный, профессиональный и крайне неприятный.

— Присаживайтесь, Ковалева, — Алла Борисовна не улыбнулась. Она жестом указала на стул с кожаной обивкой. — Я просмотрела ваше личное дело еще раз. Красный диплом — это хорошо. Рекомендации из университета — тоже. Но вы должны понимать, куда попали.

Она сделала паузу, рассматривая свои безупречные ногти, покрытые нюдовым лаком.

— Наша гимназия — это закрытая экосистема. Здесь учатся дети, чьи родители определяют будущее этого региона. И не только этого. Мы не просто даем знания. Мы обеспечиваем сервис. Понимаете?

— Сервис? — тихо переспросила Таисия. В горле окончательно пересохло.

— Именно. Конфликты здесь недопустимы. Если у ученика возникают проблемы с предметом — это ваша проблема, а не его. Вы должны найти подход к каждому. Особенно к 11-му «А». Ваш класс. Предыдущий химик уволился по... состоянию здоровья. Нервный срыв. Надеюсь, вы крепче.

Алла Борисовна наконец посмотрела Таисии прямо в глаза.

— И последнее. Среди ваших учеников есть Тимофей Игнатьев. Его отец — Сергей Владимирович — наш главный попечитель. Я очень рекомендую вам обратить внимание на успеваемость Тимофея. Он юноша... сложный. Но очень способный, если его не провоцировать. Справитесь?

— Я постараюсь, — ответила Тася, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

— Здесь не стараются, Ковалева. Здесь соответствуют. Идите. Ваш кабинет на третьем этаже, триста четвертый. Журнал возьмете в учительской.

Выйдя из кабинета, Таисия привалилась спиной к прохладной стене. Колени мелко дрожали. «Обеспечиваем сервис». Это звучало как приговор. Она была химиком до мозга костей, она верила в законы природы, в валентность и кристаллическую решетку, а не в «подходы» к избалованным детям.

Путь до кабинета химии показался ей бесконечным. Она прошла мимо учительской, где пара педагогов — ухоженные женщины в кашемировых кардиганах — проводили её изучающими взглядами. В их глазах не было сочувствия, только любопытство: сколько продержится эта новенькая?

Кабинет 304 встретил её привычным запахом реактивов

— едва уловимый аромат йода и серы, который всегда её успокаивал. Лабораторная посуда за стеклянными дверцами шкафов блестела в свете люминесцентных ламп. Это была её территория. Её стихия. Здесь всё подчинялось логике, а не деньгам.

Прозвенел звонок. Он не был резким и противным, как в обычных школах, а напоминал скорее мелодичный сигнал дорогого лифта.

Таисия выложила на стол журнал и планшет с записями. Дверь открылась, и в класс повалили ученики. Гул голосов заполнил пространство. Они заходили вальяжно, не торопясь, продолжая обсуждать выходные в Европе или новые гонки в пригороде. Никто не обратил на неё внимания, пока она не постукала костяшками пальцев по столу.

— Здравствуйте. Прошу тишины. Садитесь.

Класс неохотно затих. Около тридцати пар глаз уставились на неё. В этих взглядах читалось всё: от откровенной скуки до надменного оценивания её гардероба.

— Меня зовут Таисия Ивановна Ковалева. С сегодняшнего дня я буду вести у вас химию и буду вашим классным руководителем.

С задних рядов донесся негромкий смешок. Девушка с ярким макияжем и в блузке от Gucci, которую Тася узнала бы из тысячи по характерному принту, что-то прошептала соседке. Судя по всему, это и была Алефтина Рудина — пле-

мянница Аллы Борисовны, о которой Тася успела прочитать в списках.

— Мы начнем с проверки знаний, — Таисия старалась, чтобы голос не дрожал. — Мне нужно понять ваш уровень, прежде чем мы перейдем к органической химии.

Она открыла журнал.

— Игнатьев?

В классе повисла тишина. Такая густая, что её, казалось, можно было резать ножом. Таисия подняла глаза от журнала и обвела взглядом аудиторию. На последней парте у окна, закинув ногу на ногу, сидел парень.

Он не был похож на школьника. Широкие плечи, уверенная посадка головы, черные волосы, небрежно зачесанные назад. На нем была белоснежная рубашка с расстегнутым воротником, из-под которого виднелась золотая цепочка сложного плетения. На левом запястье поблескивали тяжелые часы с синим циферблатом — Тася не разбиралась в брендах, но эти часы кричали о своем происхождении.

Он не встал. Он просто смотрел на неё, подперев подбородок рукой. В его глазах — темных, почти черных — не было скуки. В них горело что-то другое. Предвкушение. Так кот смотрит на мышь, которая забрела в незнакомую комнату.

— Игнатьев? — повторила она, чувствуя, как пульс начинает бить в висках.

— Я, — ответил он. Голос был низким, с легкой хрипотцой. В нем чувствовалась ленивая сила.

— Почему вы не встаете, когда вас называют?

Тимофей медленно, вызываяще медленно убрал ногу с колена. Его движения были текучими, как у крупного хищника. Он выпрямился, но продолжал сидеть, чуть откинувшись на спинку стула. Его губы тронула едва заметная, почти прозрачная улыбка. Она не была доброй.

— А вы, значит, Таисия Ивановна? — он произнес её имя медленно, пробуя на вкус каждое слово. — Красивое имя. Редкое.

Класс затаил дыхание. Алефтина Рудина хихикнула, прикрыв рот ладонью.

— Встаньте, Игнатьев, — Таисия почувствовала, как к лицу приливает жар, но она заставила себя не отводить взгляд. — В этой школе действуют правила поведения. Или для вас они исключительны?

Тимофей наконец встал. Он оказался выше, чем она предполагала. Его рост и аура абсолютной уверенности заполняли всё пространство вокруг парты. Он не смотрел на её жакет или очки. Его взгляд был направлен прямо ей в глаза, словно он пытался пробиться сквозь её щит.

— Для меня — исключительны, — мягко подтвердил он. — Но ради вас, Таисия Ивановна... я готов сделать исключение. Сегодня.

Он стоял, глядя на неё в упор, и Тася поняла, что совершила ошибку. Она хотела быть серой мышью, хотела просто переждать этот год, заработать денег и уйти. Но этот парень только что объявил на неё охоту. И самое страшное было в том, что где-то глубоко внутри, под слоями строгой шерсти и шпилек, её собственное тело отозвалось на этот вызов предательской дрожью.

— Садитесь, — отрывисто бросила она, опуская глаза к журналу. Рука, державшая ручку, предательски дрожала. — Начнем урок. Тема: «Строение атома и периодический закон».

Она начала писать на доске, стараясь не думать о том, что лопатки жжет от его пристального взгляда. Реакция пошла. И, в отличие от контролируемых лабораторных опытов, Тасия совершенно не знала, к какому взрыву это приведет. Она чувствовала: этот класс станет её персональным адом, а Тимофей Игнатьев — его главным демоном. Но она еще не знала, что через несколько месяцев этот же демон станет единственным, за кого она будет готова отдать всё, что у неё осталось.

Глава 2(Тимофей)

(от лица Тимофея)

Секундная стрелка на моих часах двигалась так медленно, будто преодолевала сопротивление густого сиропа. Синий циферблат Vacheron Constantin в свете ламп гимназии казался почти черным — под стать моему настроению. Десять пятнадцать утра. Впереди был еще целый день этой бессмысленной игры в «лучшее будущее», которую для меня заботливо оплатил отец.

Я откинулся на спинку стула, чувствуя, как ткань дорогой рубашки натягивается на плечах. Мне было скучно. Так скучно, что зубы ныли. Тверская элита вокруг меня копошилась, шепталась и примеряла новые бренды, а я видел лишь декорации. Все здесь — от золоченых ручек на дверях до вышколенных учителей — принадлежало моему отцу, Сергею Игнатьеву. И я, к сожалению, был главным экспонатом в его коллекции.

— Тим, ты слышал? Нам какую-то молодую химичку прислали, — Алефтина, сидевшая на соседнем ряду, подалась вперед, и в нос ударил приторный аромат её духов. — Говорят, из провинции. Наверное, очередная отличница с горящим взором.

Я мельком взглянул на Алю. Она была «правильной» парой. Красивая, из нужной семьи, дочь папиного бизнес-парт-

нера Рудина. Она уже считала себя моей собственностью, хотя я даже не прикоснулся к ней по-настоящему.

— Посмотрим, насколько быстро она погаснет, — лениво отозвался я, не сводя глаз с двери. — Предыдущий продержался два месяца. Ставлю на то, что эта сбежит до первых заморозков.

Дверь открылась ровно со звонком. В класс вошло нечто, упакованное в темно-синий жакет, который явно знал лучшие времена. Она шла к столу так, будто ступала по тонкому льду, и я невольно усмехнулся. Серая мышь. Обычная, перепуганная серая мышь в очках и с нелепым пучком на затылке. Наверняка под этим жакетом скрываются мечты о спасении мира и зарплате в тридцать тысяч рублей.

Она встала у стола, и я заметил, как её пальцы судорожно сжали края папки. Страх. Я чувствовал его кожей, он вибрировал в воздухе. Это был мой любимый момент — когда они понимают, что попали не в школу, а в террариум к сытым кобрам.

— Меня зовут Таисия Ивановна Ковалева, — произнесла она. Голос был тихим, но чистым. Никакого дрожания. Это было... неожиданно.

Она начала что-то говорить про сервис, про уровень знаний, но я не слушал. Я рассматривал её как лабораторный образец. Очки скрывали глаза, но в повороте головы было что-то упрямое. Она явно пыталась казаться старше и суровее, чем была на самом деле. Сколько ей? Двадцать три? Два-

дцать четыре? Совсем девчонка, решившая поиграть в строгого педагога.

Когда она открыла журнал и назвала мою фамилию, я намеренно выдержал паузу. Тишина в классе стала такой острой, что её можно было потрогать пальцем. Богдан, мой лучший друг, сидевший впереди, обернулся и подмигнул мне. Шоу начиналось.

— Я, — ответил я, не меняя позы. Я видел, как она подняла голову. Её взгляд за линзами очков на мгновение замер на мне.

— Почему вы не встаете, когда вас называют? — спросила она.

Я почувствовал, как внутри просыпается азарт. Старая добрая игра «кто кого».

— А вы, значит, Таисия Ивановна? — я специально растянул её имя, делая его почти интимным. — Красивое имя. Редкое.

Класс дружно выдохнул. Алефтина рядом со мной довольно хмыкнула. Я видел, как на щеках Ковалевой проступили розовые пятна. Гнев? Смущение? Скорее, осознание того, что перед ней не просто ученик, а тот самый «сложный случай», о котором её наверняка предупредила завуч.

— Встаньте, Игнатьев, — повторила она. В её голосе появилось что-то металлическое. — В этой школе действуют правила поведения. Или для вас они исключительны?

Я медленно поднялся. Я был на голову выше большинства

парней в классе, и сейчас, глядя на неё сверху вниз, я остро чувствовал своё превосходство. Она была такой маленькой за своим массивным столом. Такой хрупкой в этом нелепом пиджаке. Мне захотелось сорвать с неё эти очки, выдернуть шпильки из волос и посмотреть, что скрывается за этой маской отличницы.

— Для меня — исключительны, — я улыбнулся своей самой «фирменной» улыбкой, от которой у девочек обычно перехватывало дыхание. — Но ради вас, Таисия Ивановна... я готов сделать исключение. Сегодня.

Я стоял, ожидая, что она опустит глаза. Все они опускали. Но Таисия Ивановна Ковалева продолжала смотреть прямо на меня. В её взгляде не было восхищения. Там не было даже страха, который я заметил пару минут назад. Там была... безгливость? Или просто холодный расчет?

— Садитесь, — отрывисто бросила она и повернулась к доске. — Начнем урок. Тема: «Строение атома и периодический закон».

Она начала чертить схемы, быстро и уверенно. Мел скрипел по доске, крошась на её жакет. Она говорила о протонах и нейтронах, о валентных электронах, и я понял, что мне этого мало. Она решила меня проигнорировать? После того как я, фактически, сделал ей одолжение?

Я поднял руку, не дожидаясь приглашения.

— Таисия Ивановна, а можно вопрос по теме?

Она замерла с мелом в руке, медленно повернулась. Её

лицо было непроницаемым.

— Слушаю вас, Игнатьев.

— Вот вы говорите про притяжение частиц, — я подался вперед, оперевшись локтями о парту. Мой голос стал тише, глубже. — О том, что противоположности притягиваются. Но в химии ведь бывает так, что реакция происходит мгновенно, стоит только двум элементам оказаться рядом? Вспышка, взрыв... и уже ничего нельзя вернуть назад. Каким термином вы бы это описали? И что делать, если один из элементов... ну, скажем так, слишком инертен для такой бурной реакции?

По классу прошел смешок. Вопрос был на грани. Алефтина вызывающе посмотрела на учительницу, Богдан тихо присвистнул. Все поняли, что я говорю не про таблицу Менделеева. Я бросил ей вызов прямо в лицо, проверяя её «температуру плавления».

Я ждал, что она замнется. Что начнет лепетать про программу или пригрозит директором. Я уже видел эту победу в своих руках.

Но Ковалева вдруг положила мел. Она поправила очки и сделала шаг к моей парте. Теперь она стояла совсем рядом, и я почувствовал её запах. Это не был парфюм. Скорее, запах чистого белья и чего-то едва уловимого, похожего на сухую траву.

— То, о чем вы говорите, Игнатьев, называется «энергией активации», — произнесла она ледяным тоном, от которого

у меня по коже пробежал странный холодок. — Это тот минимум энергии, который необходим, чтобы реакция вообще началась. Но боюсь, в вашем случае мы имеем дело не с химией, а с обычной физикой поверхностного натяжения.

Она сделала паузу, и я почувствовал, как улыбка сползает с моего лица.

— Поверхностное натяжение, — продолжала она, — создает иллюзию прочности. Водомерки могут бегать по воде, не проваливаясь, просто потому, что они слишком легкие и поверхностные. Они не способны проникнуть в глубину. Так и ваши вопросы... они скользят по поверхности, не задевая сути предмета. Вы пытаетесь казаться сложным химическим соединением, но пока что вы — просто инертный газ. Занимаете объем, но не вступаете в значимые связи.

В классе стало так тихо, что было слышно, как гудит люминесцентная лампа. Богдан перестал улыбаться. Алефтина резко отвернулась к окну.

Я сидел, чувствуя, как внутри закипает что-то темное и горячее. Она только что назвала меня пустым местом. На глазах у всех. Сравнила с водомеркой? Меня?

— И да, Игнатьев, — добавила она, уже возвращаясь к доске, — если вы так боитесь «взрывов», советую вам лучше изучать технику безопасности. Иначе вы рискуете сгореть еще на этапе предварительных ласк... с учебником.

Она не смотрела на меня. Она продолжала писать формулы, как ни в чем не бывало. А я смотрел на её тонкую шею,

на выбившийся из пучка каштановый локон, и понимал, что моя скука испарилась без следа.

Она думала, что поставила меня на место. Думала, что её «интеллектуальное превосходство» — это надёжная защита. Она не понимала самого главного: в моем мире, если мне что-то не дают просто так, я забираю это силой. Или хитростью.

Я коснулся синего циферблата своих часов. 10:40. До конца урока оставалось пять минут.

«Ну что ж, Таисия Ивановна», — подумал я, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в хищном оскале. — «Энергия активации получена. Реакция началась. И поверь мне, ты еще пожалеешь, что в твоей лаборатории оказался именно я».

Эта серая мышь только что совершила самую большую ошибку в своей жизни — она стала мне интересна. А я никогда не бросал игрушки, пока не ломал их до самого основания, чтобы посмотреть, что там внутри.

Глава 3

В учительской гимназии №12 всегда пахло одинаково: дорогим табаком, который завуч Алла Борисовна позволяла себе курить в форточку, и стерильной вежливостью, от которой сводило челюсти. Коллеги общались со мной подчеркнуто корректно, как с человеком, который добровольно вошел в клетку к тиграм и теперь ждет, когда его начнут завтракать.

Я сидела за своим узким столом в углу, пытаюсь сосредоточиться на проверке тетрадей 11-го «А». Мои пальцы впились в красную ручку. В тетради Игнатьева не было ни одного решенного уравнения. Вместо этого на полях красовался детальный, почти академический набросок: стеклянная реторта, внутри которой билось стилизованное человеческое сердце, запертое за решеткой из химических формул. Рисунок был сделан уверенной, твердой рукой. В нем было слишком много смысла для обычного школьного хулиганства.

— Ковалева, вы всё еще сражаетесь с ветряными мельницами? — раздался над ухом вкрадчивый голос.

Я подняла голову. Алла Борисовна стояла рядом, поправляя безупречную укладку. Её глаза за стеклами дорогих очков оставались холодными.

— Я проверяю работы, — ответила я, закрывая тетрадь Тимофея.

— Не тратьте силы. У Игнатьева будет «четверка». Это константа, которую вам не изменить. Просто примите это как закон всемирного тяготения.

Она развернулась и ушла, оставив после себя шлейф аромата «Chanel No. 5» и ощущение липкой безнадежности. Я поправила очки, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Нет, Алла Борисовна. В моем мире константы — это число Авогадро и скорость света, а не лень избалованного мальчишки.

Вторая неделя моего пребывания в гимназии превратилась в осаду. Я входила в 304-й кабинет, как на линию фронта.

Тимофей больше не хамил открыто. Он выбрал тактику измора. Когда я начала объяснять тему катализаторов, по классу прошел странный звук. Триста четвертый кабинет наполнился мерным, ритмичным щелканьем. Тридцать человек, как по команде, начали синхронно нажимать на кнопки своих автоматических ручек.

Клик-клик. Клик-клик.

Звук ввинчивался в мозг, мешая думать. Я замерла у доски с мелом в руке.

— Прошу прекратить, — сказала я спокойно.

Щелканье смолкло на секунду, а затем возобновилось с новой силой. Я посмотрела на последнюю парту. Тим сидел, откинувшись на спинку стула, и крутил в пальцах дорогую

перьевую ручку. Он не щелкал. Он просто смотрел на меня, не мигая. Его взгляд был тяжелым, как свинец. Он дирижировал этим процессом одним движением бровей.

— Игнатьев, — я сделала шаг вперед. — Если вам скучно, вы можете покинуть класс.

— Что вы, Таисия Ивановна, — он лениво улыбнулся, и в уголках его губ промелькнула опасная усмешка. — Нам безумно интересно. Мы просто... входим в резонанс. Вы же сами говорили, что катализатор ускоряет реакцию. Вот мы и ускоряемся.

По классу прокатился смешок. Алефтина Рудина, сидевшая на первой парте, демонстративно достала зеркальце и начала подкрашивать губы ярко-алой помадой, игнорируя моё присутствие.

— Рудина, уберите косметику, — мой голос стал сухим.

— А то что? — Алефтина обернулась, окинув меня уничижающим взглядом. — Выпишете мне замечание в дневник? Или пожалуетесь моей тете? Кстати, Таисия Ивановна, у вас жакет в мелу. Опять. Этот синий цвет... он так пронзительно подчеркивает вашу бледность. Это сейчас в Ржеве так модно — выглядеть как моль?

Класс заржал. В открытую, не таясь. Я почувствовала, как к лицу приливает жар. Это было не просто хамство, это была попытка растоптать меня как женщину.

— В Ржеве модно иметь достоинство, — отрезала я. — А теперь открываем тетради. Самостоятельная работа. Пять вариантов.

Гул недовольства был предсказуем, но я уже распечатывала листы. Весь урок прошел в гробовой, наэлектризованной тишине. Тимофей не написал ни строчки. Он просто сидел, подперев голову рукой, и сканировал меня, словно пытался разгадать химический состав моей выдержки.

Звонок прозвучал как сигнал к прекращению огня, но самое тяжелое было впереди.

В элитных школах перемены — это время показательных выступлений. Я собирала бумаги, когда Алефтина решила нанести завершающий удар. Вместо того чтобы выйти из класса, она подошла к парте Тимофея.

Он сидел на краю стола, одна нога на полу, вторая качается в воздухе. Весь его облик излучал небрежную, сытую силу. Алефтина, не стесняясь моего присутствия, шагнула в пространство между его коленями и обхватила его за шею. Её тонкие пальцы с безупречным маникюром запутались в его темных волосах.

— Тим, — промурлыкала она так громко, чтобы я точно услышала. — Папа сказал, что после уроков нас ждет столик в «Old House». Поехали? Здесь стало так душно... пахнет дешевым мелом и какой-то провинциальной безнадегой.

Она прижалась к нему, бросая на меня через плечо торжествующий взгляд. Она метила территорию. Она показывала

мне, что я здесь — лишь временный элемент, помеха, которую скоро вымоют из этой системы мощным реактивом.

Тимофей не обнял её в ответ, но и не оттолкнул. Он продолжал смотреть на меня поверх головы Алефтины. В его взгляде появилось что-то новое — ожидание. Он ждал, что я сорвусь. Что начну кричать о приличиях или, что еще хуже, расплачусь.

Я медленно закрыла журнал. Громкий щелчок обложки заставил Алефтину вздрогнуть.

— Знаете, Рудина, — я начала говорить, не повышая голоса, медленно обходя стол. — В химии есть такое понятие — активные формы щелочи. Они очень агрессивны, пытаются разьесть всё, к чему прикасаются, шипят, брызжут. Но на самом деле они просто нестабильны. Им не хватает внутреннего содержания, чтобы быть самостоятельным веществом. Они — лишь побочный продукт переработки.

Я остановилась в двух шагах от них. Запах тяжелых духов Алефтины смешивался с ароматом кожи и дорогого парфюма Тимофея.

— Вы сейчас очень похожи на такую щелочь, — я посмотрела ей прямо в глаза, игнорируя её ярость. — Много шума, много претензий на едкость, но в сухом остатке — абсолютная пустота. Дешевая реакция на дорогом фоне. Думаете, ярко-красная помада и висение на шее у парня добавят вам веса? В химии это называется «примесью». Она лишь портит чистоту состава.

Алефтина открыла рот, хватая воздухом, как рыба. Её лицо начало покрываться некрасивыми пятнами.

— Ты... ты как смеешь... нищebroдка! Да ты знаешь, кто мой отец?!

— Знаю, — я перевела взгляд на Тимофея. — А еще я знаю, Игнатъев, что вы считаете себя универсальным растворителем. Думаете, что в вашем присутствии все должны менять структуру, подстраиваться, исчезать. Но будьте осторожны. В химии есть вещества, которые кажутся инертными, пока не встретят катализатор. А есть те, что просто поглощают растворитель без остатка. Вы рискуете просто... раствориться в этой посредственности, которую так активно к себе прижимаете.

Тимофей медленно, очень медленно убрал руки Алефтины со своей шеи. Он встал. Его рост всегда сбивал меня с толку, заставляя задира́ть голову, но сейчас я стояла прямо.

— Ты закончила, Таисия Ивановна? — спросил он. В его голосе не было привычного издевательства. Он звучал низко, почти опасно.

— На сегодня — да. Урок окончен. Вы свободны.

Алефтина, всхлипнув от ярости, схватила свою сумку.

— Ты за это ответишь! Тетя Алла узнает об этом сегодня же! Ты вылетишь отсюда с волчьим билетом, в свой Ржев навозы разгребать поедешь! Тим, идем!

Она рванула к выходу, ожидая, что он последует за ней. Но Тимофей не шелохнулся. Он стоял у своей парты, глядя на меня так, словно видел впервые.

Весь класс уже вымелся в коридор, привлеченный скандалом, и мы остались вдвоем среди запаха йода и тишины, которая больше не казалась музейной. Она была живой, вибрирующей.

Тим сделал шаг ко мне. Я не отступила, хотя сердце забилось где-то в горле. Он остановился так близко, что я почувствовала тепло, исходящее от его тела.

— Дешевая щелочь? — повторил он негромко. — Осадок? Посредственность?

Он склонил голову набок, изучая моё лицо. Его взгляд медленно скользнул по моим губам, задержался на очках и вернулся к глазам. В этих темных омутах больше не было ленивого мажора. Там зажегся странный, холодный и в то же время обжигающий огонь. Это был интерес взрослого мужчины к женщине, которая посмела его не заметить. Которая посмела ударить по его самолюбию сильнее, чем кто-либо до этого.

— А ты колючая, химичка, — прошептал он. — Знаешь, что бывает с теми, кто слишком активно лезет в чужие химические связи?

— Происходит реакция замещения, Игнатьев, — я заставила свой голос звучать ровно, хотя по спине бежали крупные мурашки. — Слабый элемент вытесняется более силь-

ным.

— Вот именно, — он внезапно улыбнулся. Но это была не та улыбка, что раньше. Она была хищной. — Посмотрим, кто из нас окажется сильнее.

Он развернулся и вышел из класса, не оборачиваясь. Его походка была уверенной, почти победительской. А я осталась стоять у стола, чувствуя, как мелко дрожат колени.

Я победила в этом раунде. Я поставила Алефтину на место, я не дала Игнатьеву себя сломать. Но почему-то мне казалось, что я только что совершила самую страшную ошибку в своей жизни.

Алефтина объявила мне войну — это я могла пережить. Жалобы завучу, косые взгляды, сплетни — это было привычно. Но этот взгляд Тимофея... Тяжелый, обещающий, мужской. Он больше не хотел сорвать мой урок.

Он хотел сорвать с меня всё остальное.

Я посмотрела на свои руки. Они всё еще были в мелу. В голове набатом стучала одна мысль: реакция перешла в неконтролируемую фазу. И я, кажется, только что сама подлила масла в огонь, который собирался меня сжечь.

Глава 4(Тимофей)

(от лица Тимофея)

Запах хлора и застарелого спирта в лаборантской всегда казался мне запахом безнадёги, но сегодня он буквально въедался под кожу. Я методично, до скрипа, оттирал штативы от налета, чувствуя, как внутри закипает глухое, злое раздражение.

Игнатьев. С щеткой в руках. В узкой конуре за доской, где даже окна закрашены масляной краской наполовину. Если бы отец увидел меня сейчас, он бы, наверное, долго смеялся, а потом просто стер бы эту школу с лица земли вместе с её принципиальной химичкой.

Но отец не видел. А я почему-то не звонил ему. Было в этом что-то... унижительное и одновременно азартное. Ковалева думала, что наказывает меня, заставляя выполнять работу технички, но она не понимала одного: я остался здесь только потому, что сам так решил. Мне хотелось посмотреть, как она будет вести себя без свидетелей. Без тридцати пар глаз, перед которыми она так эффектно выставила Алефтину «дешевой щелочью».

Дверь в лаборантскую открылась с тихим вздохом. Я не обернулся, продолжая возить губкой по металлу, но по позвончику пробежал ток. Она вошла.

В тесном пространстве между высокими шкафами, за-

битыми реактивами, её присутствие ощущалось физически. Таисия Ивановна не спешила начинать разговор. Я слышал, как она поставила на стол тяжелую стопку тетрадей, как щелкнул выключатель дополнительной лампы над мойкой.

— Игнатьев, вы еще здесь? — её голос прозвучал сухо, по-деловому. — Я думала, вы сбежите через десять минут после звонка.

Я медленно повернулся, вытирая руки грязной тряпкой.

— И лишить вас удовольствия посмотреть на мой триумфальный труд? — я прислонился плечом к стеллажу, намеренно уменьшая и без того мизерное расстояние между нами. — Вы плохо меня знаете, Таисия Ивановна. Я всегда довожу дело до конца. Особенно, если меня просят.

Она стояла у раковины, спиной ко мне. Её синий жакет, который я в первой главе называл «дешевым», в полумраке лаборантской казался почти черным. Она начала наполнять одну из колб водой, и шум крана стал единственным звуком, разбавляющим тишину.

Я сделал шаг вперед. Еще один. Пока не оказался почти за её спиной. Здесь, в этой узкой щели между шкафом и столом, её строгость выглядела... нелепо. Она была маленькой. Гораздо меньше, чем казалась у доски.

— А вы смелая, — произнес я, понизив голос. — Так дерзко осадить племянницу завуча... Вы ведь понимаете, что Алла Борисовна не оставит это просто так? В этой гимназии

не любят тех, кто пытается менять правила. Здесь учителя обычно... тише. И живут дольше.

Она не вздрогнула. По крайней мере, внешне.

— Я пришла сюда учить химии, а не участвовать в дворцовых переворотах, Игнатьев, — ответила она, не оборачиваясь. — А правила... они для всех. Даже для тех, у кого часы стоят больше, чем всё оборудование в этом кабинете.

— О, вы заметили часы? — я усмехнулся, сокращая дистанцию до критической. Теперь я чувствовал исходящее от неё тепло. — А я думал, вы смотрите только в таблицу Менделеева. Знаете, в чем ваша проблема, Ковалева? Вы пытаетесь быть стальной. Но сталь — это сплав. И у него тоже есть точка плавления. Мне вот очень интересно, когда вы сломаетесь. Завтра? Через неделю? Когда папа Алефтины придет к директору?

Я специально навис над ней, упираясь ладонью в край стола рядом с её рукой. Я хотел, чтобы она почувствовала угрозу. Чтобы её маска профессионального безразличия наконец треснула.

Я потянулся к верхней полке, якобы за коробкой с индикаторами. Моя грудь почти коснулась её плеча. Я замер в этом положении, вынуждая её либо оттолкнуть меня, либо признать моё превосходство.

И вот тут что-то пошло не так.

Я смотрел вниз, на её руки. Таисия держала колбу под

струей воды. И вдруг я увидел это. Её тонкие, длинные пальцы, которые так уверенно держали мел на уроке, теперь мелко, почти незаметно дрожали. Тонкое стекло пробирки едва не выскользнуло из её ладони, чиркнув по краю раковины.

Она не была стальной. Она была натянута, как струна, готовая лопнуть в любую секунду.

Этот диссонанс ударил меня под дых сильнее, чем любая её колкая фраза. Я ожидал увидеть страх, гнев, возмущение. Но увидел... изможденность. Под слоями этой синей шерсти скрывался человек, который просто держался из последних сил.

Забыв о коробке, я невольно присмотрелся. С этого расстояния я видел то, чего не замечал в классе. Её очки чуть сползли, и за линзами виднелись тени под глазами. А еще... запах.

Я ожидал чего угодно: едкого запаха мела, хлорки или тяжелых духов, которыми обливаются женщины, пытающиеся казаться статуснее. Но от Таисии пахло иначе. Это был запах октябрьского дождя, свежевыстиранного белья и какого-то простого мыла. Чистый, почти интимный запах, который совершенно не вязался с её образом «железной леди».

Мой взгляд переместился на её шею. Волосы были заколоты так туго, что несколько каштановых локонов выбились, путаясь у самого основания черепа. Там, на бледной коже, я увидел пульсирующую жилку. Бешеная, сумасшедшая пульсация. Она боялась меня? Или просто ненавидела так силь-

но?

В этот момент Таисия резко выключила воду. Шум прекратился, и тишина в лаборантской стала оглушительной.

Она повернулась ко мне так быстро, что я не успел отстраниться. Мы оказались лицом к лицу. Нос к носу. Я видел каждую ворсинку на её жакете, видел свои отражения в её очках.

— Вы закончили со штативами, Игнатьев? — её голос сел, стал хриплым, потеряв свою учительскую уверенность.

Я должен был что-то ответить. Должен был сострить, напомнить ей, кто здесь власть, нажать на её слабое место. Но слова застряли в горле. В её глазах, которые сейчас были совсем близко, не было педагогического гнева. Там была такая глубокая, бесконечная усталость и какая-то запрятанная боль, что мне внезапно стало не по себе.

На секунду строгий синий костюм перестал существовать. Перед собой я видел просто девушку. Невероятно красивую в своей беззащитности, хрупкую, как то самое лабораторное стекло, которое она так бережно мыла. И от этой красоты, пробившейся сквозь броню, у меня в животе что-то неприятно сжалось.

Это было не то желание, к которому я привык с Алефтиной или другими девчонками из нашей тусовки. Это было что-то сырое, первобытное и пугающее. Тяга, которую я не мог контролировать.

Я почувствовал, как мои пальцы на столе самовольно дер-

нулись, желая коснуться этой пульсирующей жилки на её шее. Чтобы проверить — она настоящая? Или это всё тоже часть какой-то сложной химической формулы?

— Вы свободны, — выдохнула она, не отводя взгляда. — Идите домой.

Я отступил первым. Резко, почти рывком, словно обжегся об открытую горелку. Воздуха в лаборантской внезапно стало катастрофически мало.

— Конечно, Таисия Ивановна, — мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя внутри всё полыхало. — Не буду заставлять вас любоваться мной дольше положенного. Уверен, у вас есть дела поважнее. Например... полистать учебник по технике безопасности. Вы сегодня какая-то... рассеянная.

Я схватил свою куртку со стула в классе и почти выбежал в коридор.

Холодный октябрьский воздух Твери ударил в лицо, но не помог. Я шел к своей машине, а перед глазами всё стояли эти дрожащие пальцы и выбившийся локон.

Я пришел туда, чтобы уничтожить её авторитет. Чтобы показать ей, что её правила — мусор. Но почему-то сейчас я чувствовал себя проигравшим. Моё привычное равновесие, моя уверенность в том, что мир — это просто набор понятных элементов, пошатнулись.

«Что с тобой, Игнатьев?» — я с силой ударил ладонью по рулю, когда сел в салон.

Это просто учительница. Обычная провинциальная дев-

чонка в плохом костюме.

Но почему тогда моё сердце колотилось так, будто я только что пережил мощный взрыв в лаборатории, где катализатором стала обычная свежесть октябрьского дождя?

Реакция пошла не по плану. И самое страшное — я уже не был уверен, что хочу её остановить.

Глава 5

Тяжелые кованые ворота гимназии захлопнулись за моей спиной с сухим, окончательным щелчком. Этот звук всегда действовал на меня как сигнал к окончанию спектакля: маска строгой Таисии Ивановны дала трещину, и сквозь нее начала просачиваться обычная, до смерти уставшая Тася.

Дождь, который в лаборантской казался лишь уютным шумом за стеклом, здесь, на улице, превратился в ледяное крошево. Я проводила взглядом огромный черный внедорожник с узнаваемыми номерами — Игнатьев-старший прислал за сыном водителя. Машина бесшумно разрезала глубокую лужу, обдав мои туфли веером грязной жижи, и скрылась в сумерках Твери. Там, за тонированными стеклами, был другой мир. Мир, где не считают копейки до зарплаты и не знают, как пахнет в очередях государственных поликлиник.

Я поплотнее запахнула пальто, которое после тепла школы казалось сделанным из папиросной бумаги. До остановки пришлось идти почти десять минут, хлюпая промокшей кожей по разбитому асфальту.

Маршрутка пришла переполненной. Я втиснулась между грузным мужчиной в пахнущей табаком куртке и женщиной с огромными пакетами. Окна были плотно задраены и запотели от дыхания десятков людей, внутри стоял густой, лип-

кий запах мокрой шерсти и чужой усталости. Я вцепилась в поручень, прижимая к животу сумку с тетрадями одиннадцатого «А». Эти тетради были моим пропуском в жизнь, моей гарантией того, что завтра у мамы будут лекарства.

В какой-то момент, когда маршрутку тряхнуло на выбоине, я почувствовала на своем плече фантомное давление. Перед глазами вспыхнула сцена из лаборантской: близость Тимофея, его тяжелый взгляд, направленный на мою шею, и этот пугающий, животный магнетизм. Я почти физически ощутила его запах — смесь дорогого одеколona и свежего ветра.

«Прекрати», — приказала я себе, больно прикусив губу. — «Он просто избалованный мальчишка. Маленький монстр, который почуял твою слабость».

Мой дом на окраине города встретил меня щербатыми ступенями подъезда и неработающим лифтом. Поднимаясь на четвертый этаж, я слушала, как за дверями соседей кричат дети и гремит посуда. В моей съемной однушке стояла тишина — гулкая и холодная, как в склепе.

Я не стала включать свет в прихожей. В слабом сиянии уличного фонаря я стянула жакет, который за день стал казаться неподъемным панцирем. Бросила его на вешалку. Пальцы, всё еще хранившие память о ледяной воде в лаборантской, с трудом справились со шпильками. Когда последняя заколка упала на комод, волосы тяжелой волной рассыпались по плечам. Корни ныли от напряжения, и эта тупая

боль была единственным честным чувством за весь день.

Телефон в сумке завибрировал. Сердце пропустило удар — я боялась, что это из школы. Что Алла Борисовна всё-таки решила меня уволить после выходки с Алефтиной. Но на экране светилось «Мама».

Я глубоко вдохнула, расправляя плечи, и нажала на кнопку.

— Да, мам? Привет.

— Тасенька... — голос матери был тонким, как надорванная нить. — Ты не занята? У тебя голос такой... замученный. Опять допоздна в своей химии копаешься?

— Всё хорошо, мам, просто работы много, — я заставила себя улыбнуться, хотя в темноте этого никто не видел. Голос должен был звучать уверенно, «учительски». — Как ты? Давление измеряла?

Мама зашлась в коротком, сухом кашле, который она явно пыталась подавить ладонью. Этот звук отозвался во мне физической болью.

— Измеряла, деточка. Врач приходил, из районной. Сказал, что квоту на операцию в Твери опять отодвинули. Говорит, министерство списки пересматривает. А лекарства те, импортные... в аптеке сказали, цена выросла почти вдвое. Я

вот думаю, может, не надо их? Травками обойдусь...

— Нет! — почти выкрикнула я, сжимая трубку так, что побелели костяшки. — Никаких травок, мама. Я всё оплачу. Мне в гимназии премию пообещали за классное руководство. Хватит и на таблетки, и на частную клинику в Москве. Ты только пей всё, что доктор прописал. Обещаешь?

— Обещаю, родная. Ты там только... не надорвись.

Когда связь прервалась, я еще долго стояла, глядя в окно на серые коробки многоэтажек. Ставки в моей игре с Игнатьевым только что выросли до небес. У меня не было права на гордость. У меня не было права ставить его на место, если это грозило увольнением. Любая жалоба его отца, любая истерика Алефтины — и мама в Ржеве просто не доживет до весны.

Я пошла на кухню, набрала в чайник воды. Руки снова начали дрожать. Те самые руки, которые Тимофей рассматривал сегодня в лаборантской.

Что он увидел тогда? Мою нищету? Мой страх? Или он почувствовал то же самое, что и я — эту дикую, неправильную искру, которая проскочила между нами в тесноте между шкафами?

Я вспомнила, как он навис надо мной. Его лицо было так близко, что я видела темные крапинки в глубине его зрачков. Он не вел себя как ученик. В тот момент он был мужчиной — опасным, сильным и прекрасно знающим, какую власть

он имеет надо мной.

«Он — сын Сергея Игнатьева», — напомнила я себе, насыпая в чашку самый дешевый чай. — «Он человек, который может стереть тебя в порошок одним телефонным звонком. Для него ты — забава. Лабораторная мышь, которой он решил оторвать лапки, чтобы посмотреть, как она будет дергаться».

Я ушла в ванную и включила воду на полную мощность. Старый кран гудел и плевался ржавчиной, но мне нужен был этот шум. Я залезла в ванну прямо под холодные струи душа, не раздеваясь, и только тогда позволила себе заплакать. Беззвучно, содрогаясь всем телом. Это были не слезы обиды. Это был выплеск того колоссального, раздавливающего напряжения, которое я копила с самого утра.

Я плакала оттого, что мне страшно. Страшно за маму. Страшно потерять работу. И — самое ужасное — мне было страшно оттого, что в той лаборантской, когда Тимофей стоял в миллиметре от меня, мне на мгновение захотелось, чтобы он не отступал.

Когда вода стала совсем ледяной, я выбралась из ванны. Мокрая одежда липла к телу, напоминая о том, как зыбка моя защита. Я переоделась в старый фланелевый халат, вытерла волосы и села за стол. Нужно было работать.

Я открыла стопку тетрадей. Тетрадь Тимофея лежала сверху, словно издевка.

Я снова посмотрела на его рисунок — сердце в клетке из формул. В классе это казалось наглостью, но сейчас, в тишине моей одинокой квартиры, в этом наброске виделось что-то иное. Одиночество? Протест?

Я знала, что по факту там должна стоять двойка. Задание не выполнено. Тема проигнорирована. Но перед глазами встало лицо Аллы Борисовны и её слова о том, что Игнатъев — это константа.

Я долго держала красную ручку над бумагой. Кончик пера дрожал. Если я поставлю ему то, что он заслужил, завтра я буду стоять на ковре у директора. А послезавтра — собирать вещи.

Стиснув зубы так, что заболели скулы, я вывела размашистую «четверку». Моя первая сделка с совестью. Мой первый взнос в фонд спасения мамы. Рядом я написала мелким почерком: «Рисунок выполнен талантливо, но химия не терпит метафор. В следующий раз жду решение уравнений».

Я закрыла тетрадь и погасила лампу. В темноте комнаты я чувствовала себя заложницей. Заложницей обстоятельств, чужих денег и собственного тела, которое так не вовремя решило вспомнить запах кожи своего главного врага.

Завтра мне снова нужно будет застегнуть все пуговицы, надеть очки и войти в класс с высоко поднятой головой. Но я уже знала: сталь Ковалевой дала трещину. И в эту трещину, как ядовитый газ, медленно проникал Тимофей Игнатъев, отравляя мою жизнь и лишая меня последнего — права на

честную ненависть.

Я уснула, свернувшись калачиком под тонким одеялом, а в голове всё крутилась одна и та же формула. Формула выживания, в которой я была всего лишь переменной, стремящейся к нулю. И этот ноль пах дождем, синим циферблатом дорогих часов и неминуемой катастрофой.

Глава 6(Тимофей)

(от лица Тимофея)

Апрельское солнце в Твери не ласкало — оно слепило, отражаясь от панорамных окон элитного фитнес-клуба и выжигая сетчатку. Я ненавидел это время года. Время перемен, когда всё вокруг начинает течь, плавиться и менять форму, напоминая мне о том, что я сам застрял в агрессивном растворе чужих ожиданий.

Сто сорок килограммов на грифе штанги казались издевательски легкими. Я чувствовал, как металл впивается в ладони, как под кожей надуваются вены, готовые лопнуть от давления.

Раз. Грудь горит.

Два. Мышцы молят о пощаде.

Три.

Перед глазами снова всплыло её лицо. Не нынешнее — застывшее, как посмертная маска, за кафедрой, а то, из октября. В лаборантской. Взъерошенный каштановый локон, едва заметная пульсирующая жилка на шее и запах октябрьского дождя. Пять месяцев прошло. Пять чертовых месяцев я пытался вытравить этот запах из памяти, заменяя его литрами дорогого алкоголя и ароматами случайных девчонок,

но всё, чего я добился — это идеальное знание органической химии.

Я поставил штангу на стойки с оглушительным лязгом. Тяжело дыша, сел на скамью и накрыл голову полотенцем. Темнота за ним не помогала. Там, во внутреннем кинотеатре, крутили один и тот же фильм: её рука, исправляющая «двойку» на «четверку» в моей тетради. Тот ровный, почти каллиграфический почерк: «Химия не терпит метафор».

Она ошиблась. Химия только из них и состоит.

— Тим, ты так скоро штангу пополам перекусишь, — Богдан, вытирая лицо, плюхнулся на соседнюю скамью. — Сбавь обороты. Мы сюда пришли мышцы качать, а не демонов выгуливать.

Я промолчал, стягивая полотенце. Богдан был единственным, кто видел меня без маски «наследника империи». Мы дружили с первого класса, когда наши отцы еще только делили первый хаб в порту. Он был проще, легче и гораздо умнее, чем хотел казаться.

Богдан потянулся к моему спортивному дневнику, который валялся на полу. Я не успел его перехватить.

— Так, посмотрим... Жим лежа, приседания... Ого, — Богдан присвистнул, рассматривая поля страницы. — Игнатьев, это что, бензольные кольца? Ты серьезно? Ты на тренировке рисуешь структурные формулы алканов?

— Отдай, — я вырвал блокнот. — Просто запоминаю. Скоро экзамены.

— Экзамены? Кому ты врешь? — Богдан рассмеялся, но в глазах его не было веселья. — Твой отец уже купил тебе место в МГИМО. Ты можешь на ЕГЭ хоть крестики-нолики рисовать. Тим, ты поплыл. Посмотри на себя. Половина девчонок города ждет, когда ты просто помотришь в их сторону, а ты всю зиму ведешь себя как монах-схоласт. Все разговоры сводятся к химии. Даже когда мы в клубе, ты пялишься в стакан так, будто пытаешься вычислить плотность спирта.

— Она меня бесит, — процедил я, чувствуя, как кулаки сжимаются сами собой. — Понимаешь? Она ходит в своем этом дурацком синем жакете, смотрит сквозь меня, как через пустое место. Я для неё — просто «Игнатъев». Поверхностный элемент.

— Она тебя не бесит, друг. Она тебя сводит с ума, — Богдан посерьезнел. — Но мой тебе совет: завязывай. Это не Аля Рудина, которую можно купить новым айфоном. Ковалева — это другой мир. Провинциальный, принципиальный и колючий. Ты её не сломаешь, а вот сам обломаешь зубы так, что твой старик потом не соберет.

Договорить он не успел. Атмосфера в VIP-зале изменилась мгновенно, словно кто-то выкачал из помещения весь кислород и заменил его жидким азотом. Богдан выпрямился, его лицо приобрело привычное выражение вежливой маски.

Я медленно повернул голову. По проходу, неспешно и уверенно, шел мой отец.

Сергей Владимирович Игнатъев никогда не носил спор-

тивную форму. Даже здесь, в спортзале, он был в темно-сером костюме-тройке, который сидел на нем как броня. Его присутствие подавляло. Он был как застывший кусок гранита — холодный, непоколебимый и смертельно опасный.

Богдан кивнул и, пробормотав что-то про еще один подход, испарился. Я остался один на один с человеком, чью фамилию я носил как клеймо.

— Ты прибавил в весе, — отец остановился в двух шагах, рассматривая меня так, словно я был перспективным активом в его портфеле. — Хорошо. Мужчина должен выглядеть внушительно. Но твои показатели в школе меня беспокоят меньше, чем твое поведение.

Я поднялся, вытирая руки полотенцем. Мы были почти одного роста, но я всё еще чувствовал себя перед ним подростком, которого поймали на краже яблок.

— Я учусь, отец. Химия, биология...

— Химия? — он усмехнулся, и эта улыбка была холоднее айсберга. — Твое увлечение этим предметом стало слишком заметным. Мне звонила Алла Борисовна. Говорит, ты стал... усидчивым. Но при этом игнорируешь Александру.

— Алефтину, — поправил я сквозь зубы.

— Неважно. В субботу тебе исполняется восемнадцать. Это важный рубеж. Не для тебя — для семьи. Я устраиваю прием в загородном доме. Приедут Рудины, Колосовы, губернатор. Ты должен быть безупречен.

Он подошел ближе и поправил воротник моей футболки.

Его пальцы были сухими и холодными.

— Семья Рудиных — наши стратегические партнеры. Мы запускаем логистический терминал, и этот союз должен быть закреплён не только бумагами. Ты будешь весь вечер рядом с Алевтиной. Она — твоя будущая жена, Тимофей. Это решенный вопрос. После МГИМО вы поженитесь. Это надежная инвестиция в наше общее будущее.

Внутри меня что-то оборвалось. Словно тугой канат, который я натягивал все эти месяцы, лопнул, больно ударив по живому.

— Инвестиция? — переспросил я. Голос прозвучал хрипло. — Ты уже и мою жизнь расписал по пунктам, как бизнес-план?

Отец посмотрел на меня своим тяжелым, немигающим взглядом. В нем не было злости. Хуже — в нем было абсолютное равнодушие к моим чувствам.

— Жизнь — это и есть бизнес-план, Тимофей. Если ты не планируешь сам, тебя планируют другие. Я создал империю не для того, чтобы ты разбазаривал её на юношеские капризы. Привыкай к ошейнику — он золотой, но это всё еще ошейник. В субботу в семь вечера жду тебя в холле. Будь в костюме, который привезли вчера. И убери это выражение лица. Ты Игнатьев. Веди себя соответственно.

Он развернулся и ушел, не оглядываясь. Я смотрел ему в спину и чувствовал, как стены элитного зала сжимаются, превращаясь в золотую клетку.

Отец всегда получал то, что хотел. Он купил этот город, купил эту школу, он собирался купить моё будущее, упаковав его в подарочную обертку из Алефтины Рудиной. Для него люди были химическими элементами, которые он смешивал в нужных пропорциях, чтобы получить прибыль.

Я подошел к боксерской груше. Без перчаток. Без подготовки. Один короткий, яростный удар. Костяшки пальцев моментально отозвались острой болью, кожа лопнула, окрашивая серую кожу груши красным.

Боль была настоящей. Единственной настоящей вещью в этом царстве фальши.

Я ушел в душевую. Горячая вода обжигала сбитую руку, но я не чувствовал облегчения. В голове набатом стучали слова отца: «Семья — это бизнес».

Я смотрел на своё отражение в запотевшем зеркале. Наследник. Мажор. Вещь. Пять месяцев я пытался доказать Таисии Ковалевой, что я чего-то стою. Что я не просто «мальчишка с кредиткой». А в итоге? Я оказался всего лишь переменной в уравнении отца.

Всю зиму я учил эти чертовы формулы, надеясь увидеть в её глазах хотя бы искру одобрения. А она видела лишь Игнатьева. И она была права.

Я закрыл глаза, и снова почувствовал тот запах. Дождь. Свежесть. Свобода.

Таисия Ивановна была единственным элементом в моей жизни, который не поддавался контролю отца. Она была

несистемной. Она была настоящей. Она не висла у меня на шее, не заглядывала в рот, не оценивала стоимость моих часов. Она просто была. И я понимал, что хочу её не как очередную победу. Я хотел её как спасение. Как глоток чистого кислорода в этой душной, стерильной камере, которую отец называл «будущим».

Капкан захлопнулся. В субботу я официально стану взрослым. Мужчиной. И я решил: если мне суждено сгореть в этой клетке, я сам выберу искру, от которой начнется пожар.

Я вытер зеркало рукой. Синий циферблат моих часов на полке показывал, что время уходит. Но это было моё время. И я больше не собирался тратить его на то, чтобы быть «правильной инвестицией».

В эту субботу я получу свой подарок. Даже если ради этого мне придется взорвать всю лабораторию к чертовой матери.

Глава 7(Тимофей)

(от лица Тимофея)

Зеркало в массивной золоченой раме отражало чужака. В субботу вечером, когда весенний ветер за окном еще позимнему кусал прохожих, я стоял в своей комнате и пытался затянуть узел галстука. Пальцы не слушались, костяшки, сбитые на прошлой тренировке, ныли, напоминая о том, что я всё еще живой, а не просто манекен из витрины ЦУМа.

На мне был костюм от Tom Ford — отец считал, что восемнадцатилетие это не личный праздник, а презентация бренда «Игнатъев». Ткань ощущалась на коже как холодная чешуя змеи. На прикроватной тумбочке лежала коробка с новым подарком — Patek Philippe, которые отец вручил мне утром с таким видом, будто передавал ключи от города. Тяжелый платиновый браслет охватил запястье, и я почувствовал, как невидимые кандалы защелкнулись окончательно.

В кармане пиджака, прямо у сердца, обжигал тонкий листок бумаги. Я выкрал его из кабинета Аллы Борисовны два дня назад, выждав, пока она выйдет покурить. Адрес. Обычный адрес на окраине Твери, написанный казенным почерком в личном деле Таисии Ковалевой. Этот клочок бумаги стоил мне больше, чем все подарки в этом доме. Он был моим билетом в реальность.

— Тимофей, ты скоро? — Голос отца из коридора был

сухим и властным. — Гости уже собираются. Рудины приехали.

Я глубоко вдохнул, глядя на свое отражение. Взрослый. Совершеннолетний. По паспорту я теперь имел право голоса, но здесь, в особняке за городом, я оставался лишь удачной инвестицией.

Внизу, в главном холле, уже гремела музыка — тяжелые басы пробивались сквозь перекрытия, вибрируя в моих подошвах. Запах дорогих лилий, которые отец заказывал сотнями для украшения зала, заполнил дом. Лилии пахли торжественно и мертвенно, как на очень дорогих похоронах. Возможно, это и были мои похороны. Похороны того пацана, который когда-то верил, что сможет сам выбирать, кого любить.

Я спустился по широкой мраморной лестнице. Вспышки фотокамер ослепили на мгновение — отец нанял светских хроникеров, чтобы завтра в местных бизнес-газетах красовались заголовки о «вступлении в права наследника».

— Вот он, именинник! — Сергей Игнатьев подошел ко мне, по-хозяйски положив руку на плечо. От него пахло дорогим табаком и коньяком за баснословные деньги. — Весь в отца. Крепкая порода.

Он вел меня сквозь толпу, как призового жеребца. Лица чиновников, бизнес-партнеров и их разодетых жен сливались в одну пеструю, фальшивую массу. «Поздравляем», «Большое будущее», «Достойная смена» — слова лились ре-

кой, такой же бесконечной и приторной, как шампанское в хрустальных бокалах.

А потом я увидел её. Алефтина Рудина стояла у фуршетного стола в платье цвета изумруда, которое стоило, наверное, как годовой бюджет небольшой школы. Она улыбалась мне так, словно мы уже стояли у алтаря. Её отец, Рудин-старший, о чем-то оживленно шептался с моим, и я физически ощутил, как вокруг моей шеи затягивается петля их «стратегического партнерства».

— С днем рождения, Тим, — Аля подошла вплотную, обдавая меня ароматом своих духов — сладким, удушающим, похожим на запах засахаренных фруктов. Она прижалась ко мне, демонстративно обозначая свою территорию перед остальными гостями. — Ты сегодня просто невероятный. Мы с папой уже обсуждали, что в Москве выберем квартиру поближе к университету. Ты ведь не против?

Я посмотрел на её идеальный макияж, на её безупречную причёску и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Ей было всё равно, что я чувствую. Ей нужен был не я, а статус «миссис Игнатьева». Она уже распределила мои годы, мои деньги и мои вечера.

— Мне нужно выпить, — буркнул я, освобождаясь из её объятий.

Я подошел к бару и знаком велел налить чистого виски. Первый стакан провалился в желудок, обжигая пищевод, но не принося облегчения. Шум вечеринки становился всё

громче, басы колотили в виски, а перед глазами, как назло, всплывал образ из лаборантской. Бледная кожа, очки, каштановый локон и этот чистый запах дождя.

Там была жизнь. Здесь была пластмасса.

— Не увлекайся, — отец возник рядом, его голос прозвучал как предупредительный выстрел. — Тебе еще тост говорить. И танец с Алефтиной. Не разочаруй меня, Тимофей. Сегодня закладывается фундамент нашего логистического хаба.

Я посмотрел на него. На его идеально выбритое лицо, на холодные глаза, в которых никогда не было тепла — только цифры и графики. Для него я был не сыном. Я был кирпичом в его фундаменте.

— А если я не хочу строить твой хаб? — спросил я, чувствуя, как виски ударил в голову, развязывая узлы многолетнего послушания.

Отец лишь слегка сузил глаза.

— Твои желания закончатся завтра утром, когда ты протрезвеешь. А сегодня ты будешь улыбаться и делать то, что должно. Иди к Алефтине. Она ждет тебя на террасе.

Я вышел на террасу. Весенний воздух Твери был сырым и прохладным, он немного привел меня в чувство, но ярость внутри только разгоралась. Алефтина стояла у перил, глядя на подсвеченный сад.

— Тим, — она обернулась, и в лунном свете её лицо пока-

залось мне маской из дорогого фарфора. — Подойди ко мне.

Она притянула меня за галстук, её губы, липкие от блеска, коснулись моих. Она целовала меня властно, с какой-то жадной уверенностью в своем праве собственности. Я почувствовал вкус её помады — приторный, химический. И в этот момент меня прорвало.

Я резко оттолкнул её. Слишком грубо для «идеального наследника». Аля пошатнулась, её глаза округлились от шока.

— Что ты творишь? — прошипела она, поправляя платье. — Все смотрят!

— Мне плевать, — я сдернул галстук, который душил меня весь вечер, и швырнул его прямо в кусты роз. — Мне плевать на твоего отца, на мой хаб и на эту гребаную свадьбу, которую вы уже распланировали. Ты мне не нужна, Аля. Ты — просто часть бизнес-плана, а я не хочу быть цифрой в отчете.

— Ты пьян, — её голос дрожал от злости и унижения. — Завтра ты будешь извиняться на коленях.

— Завтра меня здесь не будет.

Я развернулся и пошел не в зал, а к боковой лестнице, ведущей к гаражам. Я слышал, как внутри дома грянули аплодисменты — видимо, отец начал свою речь, не дождавшись меня. Отлично. Пусть говорит сам с собой.

Я не мог взять свою машину — охрана на воротах тут же доложила бы отцу, а GPS-трекер выдал бы мое местоположение через минуту. Я перемахнул через невысокую изгородь

в конце сада, чувствуя, как дорогие туфли тонут в весенней грязи. Плевать. Костюм за пять тысяч долларов теперь стоил не больше тряпки, которой вытирают пол.

Я вышел на трассу и вызвал такси через приложение. Руки дрожали — то ли от холода, то ли от дикого, пьяного адреналина. Через десять минут у обочины притормозила побитая жизнью белая «Шкода».

— В город? — таксист, пожилой мужик с уставшим лицом, окинул меня подозрительным взглядом. Я в своем наряде смотрелся здесь, среди сосен и слякоти, как инопланетянин.

— Заволожский район, — я назвал адрес, который выучил наизусть. — Плачу тройной тариф, если доедем быстро.

— Садись, — буркнул он.

Мы ехали по ночной Твери. Я смотрел в окно, как огни центра города сменяются тусклыми фонарями окраин. Мимо проплывали серые коробки панельных домов, облупившиеся фасады, темные дворы. Это был мир, в котором жила она. Мир, который я никогда не видел из окна отцовского бронированного авто.

Алкоголь в моей крови танцевал безумное танго с яростью. Я достал из кармана мятый листок. Улица Паши Савельевой. Обычная пятиэтажка.

«Зачем ты это делаешь, Игнатьев?» — спрашивал внутренний голос, подозрительно похожий на голос Богдана. — «Ты ведь просто разрушаешь всё. Она тебя вышвырнет. Отец

тебя уничтожит».

Но мне было всё равно. Впервые за восемнадцать лет я чувствовал, что я — это я. Не проект, не наследник, не инвестиция. Просто парень, которому жизненно необходим поток чистого воздуха.

— Приехали, — таксист остановился у облупившегося подъезда. Вокруг пахло сыростью, мусором и весной.

Я вышел из машины. Ноги слегка подкашивались, голова кружилась. Я посмотрел на тусклое освещение подъезда. Пятиэтажка выглядела уныло. Облупившаяся краска на дверях, граффити на стенах. Здесь не было лилий. Здесь не было Crystal.

Я вошел внутрь. Запах жареного лука и старой побелки ударил в нос. Я поднимался по лестнице, и каждый шаг отдавался в голове набатом. Третий этаж. Квартира сорок восемь.

Я остановился перед дверью. Обычная деревянная дверь, оббитая дешевым дерматином. Никакой охраны. Никаких камер. Только я и она.

Внутри меня всё кричало: «Уходи! Ты выглядишь как идиот!» Но я уже не мог остановиться. Я сжал кулак и постучал. Сначала осторожно, а потом всё громче и настойчивее.

Я пришел за своей правдой. Я пришел к единственному человеку, который видел во мне не деньги, а пустоту, которую мне так отчаянно хотелось заполнить.

За дверью слышались тихие шаги. Легкие, неуверен-

ные.

— Кто там? — голос Таисии Ивановны прозвучал приглушенно, но я узнал бы его из тысячи. В нем не было пафоса Алефтины или стали моего отца. В нем была только настояженность.

— Это я, — выдохнул я, прислонившись лбом к холодному дерматину. — Это Игнатьев. Откройте, пожалуйста.

Тишина за дверью стала такой плотной, что я перестал слышать шум города. Реакция достигла своей критической точки. И сейчас, на этом заплеванном лестничном пролете, должна была решиться судьба всего моего личного апокалипсиса.

Глава 8

Свет старой настольной лампы подслеповато мигал, выхватывая из темноты кухни разложенные на клеенке квитанции. Я сидела, ссутулившись, и в сотый раз пересчитывала столбик цифр на полях старой газеты. Сумма на операцию матери в Москве росла быстрее, чем мои возможности её накопить. В конверте, спрятанном в коробке из-под чая, лежало ровно тридцать две тысячи рублей — цена двух недель жизни в столице без учета стоимости самой клиники.

За окном апрельский дождь превратился в настоящую истерику. Он барабанил по жестяному отливу, заглушая гул старого холодильника «Бирюса», который то и дело вздрагивал, словно от озноба. В этой тишине, пропитанной запахом дешевой заварки и сырости, я чувствовала себя как в подводной лодке, медленно идущей ко дну.

Взгляд упал на тетрадь Игнатьева, лежавшую на краю стола. Та самая «четверка». Я знала, что поступила малодушно, поставив её. Знала, что это была взятка моей совести за право работать в этом элитном змеючнике. Но когда я закрывала глаза, я видела его рисунок. Сердце в клетке.

Внезапный удар в дверь заставил меня подскочить. Карандашница с грохотом повалилась на пол, рассыпав ручки. Стук повторился — тяжелый, неритмичный, какой-то животный. Мое сердце тут же переместилось в горло, мешая

дышать. В нашем районе случайные гости после полуночи не сулили ничего, кроме беды.

Я накинула старый фланелевый халат поверх сорочки, плотно запахнулась и, не включая свет в коридоре, подошла к двери.

— Кто там? — голос прозвучал тонко, почти жалко.

Ответа не было, только тяжелое сопение и звук, будто кто-то сползает по оббитой дерматином поверхности.

— Уходите, или я вызову полицию! — я прижала ладонь к холодному металлу замка.

— Тася... — донеслось с той стороны. Хрипло, надломленно, едва слышно сквозь шум ливня в подъезде. — Та-ся... откройте. Это я.

Мир вокруг меня на мгновение перестал вращаться. Я узнала бы этот голос даже на пороге смерти. Тот самый баритон с ленивой хрипотцой, который сводил меня с ума на уроках, сейчас звучал так, будто человек на лестничной клетке разваливался на части.

Дрожащими пальцами я щелкнула задвижкой и потянула ручку на себя.

Тимофей буквально ввалился в прихожую. Он не стоял на ногах — он рухнул на меня всем своим огромным, тяжелым весом, обдавая запахом дорогого виски, сигаретного дыма и ледяного весеннего дождя. Я едва удержалась на ногах, упираясь спиной в вешалку, которая жалобно скрипнула под нашим общим весом.

— Игнатьев? — выдохнула я, пытаюсь оттолкнуть его, но он только сильнее вцепился в мои плечи. — Вы с ума сошли? Что вы здесь делаете?

Я захлопнула дверь и включила свет. Лампочка в шестьдесят ватт безжалостно высветила масштаб катастрофы.

Передо мной был не «золотой мальчик» Твери. На пороге стоял промокший до нитки, избитый жизнью мужчина. Тот самый костюм от Тома Форда, о котором я думала в школе, был безнадежно испорчен — промокшая ткань прилипла к телу, колено брюк было разорвано и испачкано в грязи. Белая рубашка растягнута до середины груди, галстука нет, а на скуле наливается багровый кровоподтек.

Но страшнее всего были его глаза. В них не было привычной насмешки. Только дикая, первобытная тоска и какая-то отчаянная, болезненная надежда.

— Я ушел... — пробормотал он, глядя на меня так, словно я была единственным твердым предметом в его поплывшем мире. — Ушел оттуда. Лилии... они пахнут смертью, Тася. Все они... пахнут фальшью.

Он попытался сделать шаг, но покачнулся, и мне пришлось подхватить его под локоть, проводя в крошечную кухню. Я усадила его на табурет, и Тимофей тут же ссутулился, роняя голову на руки. Вода с его волос капала прямо на мои расчеты на газете, расплываясь чернильными кляксами.

— Вы пьяны, Тимофей, — сказала я, стараясь придать голосу ту самую учительскую строгость, которая была моей

единственной броней. — Уходите. Я сейчас вызову вам такси. Если вас увидит кто-то из соседей...

— Мне плевать на соседей! — он внезапно вскинул голову. — Мне плевать на отца, на Алю, на этот хаб... Мне на всё плевать, кроме того, что я здесь задыхаюсь.

Он рванул ворот рубашки, пуговица с мясом отлетела и покатилась по линолеуму.

— Пять месяцев, — он подался вперед, его горячее дыхание коснулось моей щеки. — Пять месяцев я учу эту чертову химию только ради того, чтобы вы на меня посмотрели. Не как на «кейс», не как на «Игнатьева». А как на человека. Вы хоть понимаете, что вы со мной сделали?

Его ладонь — горячая, обжигающая даже сквозь влагу — легла на мою руку, лежавшую на столе.

— Я люблю вас, Тася. С той самой секунды, когда вы вошли в класс и посмотрели на меня как на пустое место. Я не могу больше... Я сегодня там, на террасе, понял: если я сейчас не приеду сюда, я просто... я перестану существовать.

Я замерла. Внутри меня всё кричало: «Беги! Оттолкни его!». Но моё собственное тело предавало меня. В тесноте кухни, в этом тусклом свете, его присутствие ощущалось как мощное электромагнитное поле. Мне хотелось протянуть руку и убрать мокрый локон с его лба. Хотелось прижать его голову к своей груди и сказать, что всё будет хорошо. Что он не вещь. Что он живой.

Сердце колотилось в ребра так сильно, что я боялась —

он услышит. Химия... та самая, про которую я читала лекции, сейчас происходила прямо здесь. Мои гормоны, мои чувства, моя подавленная женственность — всё это смешивалось в опасный коктейль.

Я посмотрела на его разбитую скулу, на дрожащие губы. Тимофей Игнатьев, хозяин жизни, сейчас был похож на брошенного щенка, который приполз к единственной двери, где его когда-то не погладили, но хотя бы заметили.

— Тим... — прошептала я, и его имя для него в моих устах прозвучало как выстрел.

Он дернулся ко мне, перехватывая вторую руку.

— Пожалуйста... Не прогоняй. Просто... дай мне подышать. Один вечер. Без ошейника. Я всё брошу. Я пойду работать, я...

И тут я увидела конверт с деньгами.

Маленький, помятый конверт на краю стола. Тридцать две тысячи рублей. Цена жизни моей матери.

Вспышка реальности была болезненной, как удар током.

Перед кем я стою? Перед мальчишкой, который устроил истерику в свой день рождения? Перед пьяным мажором, который завтра протрезвеет, вернется в свой особняк, наденет новые часы и забудет этот адрес как досадное недоразумение?

А что будет со мной? Если кто-то узнает? Алла Борисовна сотрет меня в порошок. Сергей Игнатьев уничтожит мою семью. Мама в Ржеве умрет, потому что я решила «подышать»

вместе с его сыном.

Я — нищая учительница. Он — принц Твери. Между нами не химия. Между нами бездна, наполненная колючей проволокой и чужими трупами.

Я почувствовала, как внутри застывает лед. Та самая «стальная Ковалева», которую я так тщательно выращивала в себе, снова взяла штурвал.

Я резко вырвала руки из его хватки. Мое лицо превратилось в маску, которую не пробить даже пулей.

— Пропись, Игнатьев, — мой голос разрезал тишину кухни, как скальпель. — Ты хоть понимаешь, как жалко сейчас выглядишь?

Тимофей замер, его руки остались висеть в воздухе.

— Ты притащился сюда, в этот клоповник, воняющий старым жиром и безнадегой, чтобы что? Чтобы я тебя пожалела? Чтобы я погладила тебя по голове и сказала, какой ты бедный-несчастный в своем костюме за пять тысяч долларов?

Я встала, возвышаясь над ним.

— Ты для меня никто, Тимофей. Ты просто ошибка в классном журнале. Твои «чувства» — это обычный алкогольный бред и желание поиграть в «плохого парня». Ты поиграешь и уедешь в свой МГИМО, а я останусь разгребать ту грязь, которую ты притащил в мой дом на своих ботинках.

— Тася, я... — он попытался встать, но я указала пальцем на дверь.

— Не смей называть меня по имени! Для тебя я Таисия Ивановна. Избалованный мальчишка с кредиткой папы — вот кто ты. Тебе скучно? Иди развлекайся с Алевтиной. Она тебе под стать. А ко мне не смей приближаться. Ты мне противен, Игнатьев. Твоя слабость мне противна.

Я видела, как краска сходит с его лица. Он побелел так, что стали видны даже мелкие веснушки на переносице. В его глазах что-то разбилось. Громко. Окончательно.

— Противен? — повторил он бесцветным голосом.

— Именно. Уходи. Пока я не вызвала наряд и не сообщила твоему отцу, где находится его драгоценный наследник.

Тимофей медленно поднялся. Он казался теперь еще больше, чем когда вошел, но эта величина была какой-то мертвой. Он посмотрел на меня в последний раз — долго, страшно, словно запоминал черты врага.

— Я понял, — тихо сказал он. — Извините... Таисия Ивановна. Больше не побеспокою.

Он развернулся и пошел к выходу. Плечи его были опущены, походка — тяжелая, механическая. Я стояла на кухне, сжимая края столешницы так, что ногти впились в дерево.

Дверь в прихожей открылась и закрылась.

Глухой, окончательный звук.

Я стояла неподвижно несколько секунд, а потом мои ноги просто отказали. Я сползла по стенке прямо на холодный линолеум, обхватила колени руками и зарылась лицом в халат.

Снаружи, на лестничной клетке, послышался глухой удар

— кажется, он ударил кулаком в стену. А потом наступила тишина. Такая страшная, что шум дождя показался мне криком.

Я сделала это. Я спасла свою маму. Я спасла свою работу. Я спасла его от его же глупости.

Но почему тогда мне казалось, что в этой маленькой кухне, на этом полу, только что умерла единственная настоящая часть моей души?

Я дышала рвано, вдыхая остатки его парфюма и запаха дождя, которые всё ещё висели в воздухе. Реакция была завершена. Осадок выпал на дно. И этот осадок был горьким, как пепел моего собственного сердца.

По ту сторону двери затихали шаги. Мы оба сегодня совершили убийство. Он убил в себе мальчика. Я убила в себе женщину. И теперь между нами действительно была только химия — холодная, безжизненная и абсолютно необратимая.

Глава 9(Тимофей)

(от лица Тимофея)

Воскресное солнце пробивалось сквозь плотные шторы моей спальни, как хирургический лазер — прицельно, безжалостно и прямо в воспаленный мозг. Я открыл глаза и тут же зажмурился от резкой вспышки боли в висках. Во рту застыл привкус жженой меди и того самого дешевого виски, который вчера казался мне единственным спасением.

Я лежал неподвижно, боясь пошевелиться, потому что каждый вдох отдавался в голове глухим ударом молота. В памяти всплывали обрывки вчерашнего кошмара: лилии в холле, перекошенное лицо Алефтины, холодный взгляд отца и... она.

Таисия.

Воспоминания о её квартире накатили удушающей волной. Я видел её в тусклом свете кухонной лампы — маленькую, в нелепом халате, с мокрыми от моего присутствия глазами. И я слышал её голос. Он звучал в моей голове так отчетливо, будто она стояла сейчас рядом и продолжала вбивать гвозди в мою гордость.

«Проспись, Игнатьев... Ты для меня никто... Мальчишка с папиной кредиткой».

Я со стоном перевернулся на живот, зарываясь лицом в подушку, пахнущую прачечной и безнадеей. Каждое её сло-

во вчера резало по живому, но сегодня, в трезвом и беспощадном свете утра, эти слова превратились в клеймо. Она не просто меня прогнала. Она поставила мне диагноз.

Я попытался опереться на руки, чтобы сесть, и зашипел от боли. Правая кисть распухла, костяшки превратились в одно сплошное кровавое месиво. Память милостиво подкинула кадр: мой кулак, с размаху влетающий в бетонную стену её подъезда. Глупая, пацанская выходка. Еще одно доказательство моей «зрелости».

Костюм от Тома Форда — символ моей принадлежности к высшей лиге — валялся на полу бесформенной грязной кучей. Брюки в засохшей грязи, рубашка без пуговиц. Пять тысяч долларов, превращенные в мусор за одну ночь. Отец бы сказал, что это плохая инвестиция. Таисия бы сказала, что это и есть моё истинное лицо.

Кое-как я поднялся и дошел до ванной. Каждое движение стоило колоссальных усилий. Глядя в зеркало, я едва узнал парня, который смотрел на меня в ответ. Опухшее лицо, кровоподтек на скуле, глаза, в которых не осталось ничего от того самоуверенного мажора, который еще неделю назад считал, что мир лежит у его ног.

— Жалкий, — прохрипел я собственному отражению. Голос был чужим.

Я включил душ. Ледяная вода ударила по плечам, заставляя легкие сжаться в спазме. Я не стал настраивать температуру. Мне нужно было это наказание. Я стоял под колючи-

ми струями, чувствуя, как оцепенение медленно отступает, сменяясь жгучим, яростным осознанием.

Она была права. Во всём.

Я приполз к ней, размазывая сопли и требуя любви только потому, что у меня случилась истерика. Я хотел, чтобы она меня спасла, но сам не стоил и ломаного гроша. Весь мой мир был построен отцом. Мои часы, моя машина, моё будущее в МГИМО — всё это было просто золотым напылением на куске дешевого пластика. Без кредитки отца я действительно был никем. Нулем. Инертным газом, как она и говорила в самый первый день.

Я стоял под ледяным дождем в собственной ванной, и внутри меня что-то окончательно умирало. Умирал тот мальчик, который верил, что достаточно просто сильно захотеть — и весь мир упадет в ладони. Умирал «Тимоша», «наследник», «золотой мальчик».

Когда кожа на руках посинела от холода, я выключил воду. Вышел из кабины, не чувствуя стоп. Тщательно вытерся, игнорируя боль в разбитой руке, и снова посмотрел в зеркало.

Взгляд изменился. Исчезла та влажная, щенячья тоска, с которой я ловил её движения в классе. На её место пришла сталь. Холодная, расчетливая ярость — не на неё, а на самого себя.

Она сказала, что я ей противен. Что моя слабость ей противна. Что ж, Таисия Ивановна, это мы еще посмотрим.

Я вернулся в спальню. Тишина огромного особняка дави-

ла на уши. Родители, скорее всего, еще спали после вчерашнего приема, или отец уже уехал в офис, вычеркнув меня из списка живых до того момента, пока я не приползу извиняться.

Я подошел к рабочему столу. На нем стояла новейшая PlayStation, лежали глянцевые журналы и стопка приглашений на закрытые вечеринки. Всё это вдруг показалось мне атрибутами детской комнаты. Мусором.

Методично, с каким-то странным удовольствием я начал зачищать пространство. Приставка отправилась в самый глубокий ящик шкафа, за ней последовали диски и джойстики. Журналы полетели в корзину. Я оставил только чистую поверхность стола и лампу.

Мой взгляд упал на футляр с новыми Patek Philippe. Платина холодно блеснула в лучах солнца. Подарок отца на восемнадцатилетие. Вчера я думал, что они — символ моего вступления во взрослую жизнь. Сегодня я понимал: это просто электронный браслет для домашнего ареста.

Я снял часы с запястья и швырнул их в ящик к приставке. Мне не нужно чужое время. Я создам своё.

Я сел за стол и достал из сумки учебник химии. Тот самый, который я открывал всю зиму, пытаясь привлечь её внимание. Но тогда я делал это как дрессированная обезьянка, надеясь на похвалу. Теперь всё было иначе.

Химия была её территорией. Её миром. Её единственной страстью. И если я хотел, чтобы она когда-нибудь посмотре-

ла на меня не как на ошибку природы, а как на равного, я должен был захватить этот мир.

Я открыл первую страницу. «Органические соединения».

За окном цвела весна, в Твери вскрывалась Волга, а где-то там, в своей нищей хрущевке, Таисия, возможно, пила чай и ненавидела меня за то, что я вчера нарушил её покой. Но мне больше не было больно от этой мысли.

Я взял ручку левой рукой, потому что правая едва слушалась, и начал писать на чистом листе. Формулы. Реакции. Связи.

«Ты думаешь, что я — просто оболочка, Ковалева?» — думал я, выводя бензольное кольцо. — «Ты думаешь, что я не способен на глубину? Что я — водомерка на поверхности? Хорошо. Пусть будет так. Но водомерки тоже умеют замираться, перед тем как броситься на добычу».

Я больше не собирался просить. Не собирался канючить и пьяно признаваться в любви. Это путь слабаков. Путь мальчишек.

Мой план был прост и беспощаден. Я завоюю её уважение. Я стану тем учеником, которого она не сможет игнорировать. Я стану её лучшим результатом, её гордостью, её самым сложным уравнением. Я заставлю её задыхаться от осознания того, как сильно она ошиблась во мне вчера ночью.

А когда она признает во мне мужчину... тогда я заберу своё.

Весь день я провел за столом. Горничная пару раз стучала

в дверь, приносила еду, но я едва прикасался к тарелкам. Голод был другим. Внутренним. Я впитывал параграфы, как губка впитывает кислоту. Я видел логику там, где раньше видел только скучные наборы букв. Это была не просто учеба — это была подготовка к осаде.

Вечером в дверь вошел отец. Он был в домашнем халате, выглядел уставшим, но в глазах всё еще светилося холодное торжество. Он ожидал увидеть меня разбитым, кающимся или хотя бы спящим в пьяном угаре.

Увидев меня за учебниками, он замер на пороге.

— Решил взяться за ум? — Сергей Владимирович прошел в комнату, заглядывая через мое плечо. — Похвально. Хотя после вчерашнего демарша... Ты понимаешь, что Рудины в ярости? Алевтина проплакала всю ночь.

Я не поднял головы. Я продолжал расписывать реакцию полимеризации.

— Мне всё равно, отец.

— Тимофей, — в его голосе прорезались опасные нотки. — Твоё «всё равно» обойдется мне в несколько миллиардов инвестиций. Тебе придется поехать к ним завтра и извиниться.

Я отложил ручку и медленно повернулся к нему. Взгляд в взгляд. Я видел, как он вздрогнул. Вчера он видел во мне бунтующего подростка. Сегодня он увидел что-то, чего раньше в нашей семье не было. Абсолютное, ледяное спокой-

ствие человека, который принял решение.

— Я никуда не поеду, — сказал я ровно. — И я не буду извиняться. Ты хотел, чтобы я стал взрослым? Считай, что это случилось. Я сам буду решать, с кем мне спать, на ком жениться и что учить. Твои деньги — это твои деньги, отец. Если хочешь, можешь забрать всё. Карты, машину, этот дом. Мне плевать. Но я больше не буду твоей «инвестицией».

Отец молчал долго. Я видел, как на его шее забились жилки — точь-в-точь как у Таисии, только в его случае это была ярость, а не страх.

— И на что ты будешь жить, «взрослый»? — ядовито спросил он. — Пойдешь грузчиком? Или, может, твоя учительница химии тебя приютит в своей однушке?

Я не отвел взгляда.

— Это не твоя забота.

— Хорошо, — он резко развернулся. — С этой минуты ты лишен содержания. Машину заберут завтра. Кредитки заблокированы. У тебя есть неделя, чтобы одуматься, пока не начались выпускные. Потом я просто вычеркну тебя из заветования.

— Можешь сделать это прямо сейчас, — ответил я его же тоном.

Дверь захлопнулась с таким грохотом, что зазвенели стекла в шкафах.

Я остался в тишине. Один. Без денег. С разбитой рукой

и прозрачными шансами на прощение женщины, которую я любил до боли в зубах.

Но странное дело — мне не было страшно. Впервые в жизни я чувствовал себя по-настоящему свободным.

Я снова открыл учебник. Завтра понедельник. Первая пара — химия.

Я представлял, как войду в класс. Как она посмотрит на меня, ожидая увидеть привычную наглость или вчерашнее унижение. И как она встретит мой новый взгляд.

Я больше не был хищником, который играет с едой. Я стал охотником, который вышел на долгую тропу.

Мальчик умер этой ночью на грязном линолеуме хрущевки. Мужчина родился под ледяным душем. И этот мужчина точно знал: химия — это не только притяжение частиц. Это еще и энергия активации.

Моя энергия активации была оплачена вчерашней кровью и позором. Теперь пришло время для самой главной реакции в моей жизни.

Я выключил свет, оставив только лампу над учебником. До рассвета оставалось несколько часов. Самое время, чтобы выучить, как из обычного углерода под огромным давлением получается алмаз.

Давления в моей жизни теперь было предостаточно. Значит, результат будет блестящим.

Глава 10

Сегодня я решила поехать на работу на машине.

«Старая отцовская «четверка» содрогалась всем своим ржавым корпусом, будто протестуя против каждой выбоины на тверском асфальте. В салоне, насквозь пропитанном запахом дешевого машинного масла и пылью десятилетий, было зябко — печка лишь имитировала работу, выбрасывая в лицо порции едва теплого, сухого воздуха. Обычно я предпочитала маршрутку, фанатично экономя каждый литр бензина ради маминых лекарств, но сегодня тяжелые коробки с реактивами для лабораторных работ, которые пришлось забирать со склада на другом конце города, не оставили мне выбора.

Въезжать на этом лязгающем памятнике советскому автопрому на территорию гимназии было почти физически больно. Я припарковалась в самом дальнем, заросшем пожухлой травой углу сквера, подальше от сияющих лаком «Лексусов» и «БМВ», чувствуя себя так, словно привезла островок своей нищеты прямо к порогу этого храма успеха. Руль еще долго вибрировал под моими пальцами, даже когда я заглушила двигатель. Эта машина была единственным, что осталось мне от отца, кроме фамилии и вечного чувства долга, и сегодня она казалась мне не средством передвижения, а железным напоминанием о том, из какой бездны я пытаюсь выта-

щить свою семью».

Понедельник всегда пах в гимназии одинаково — свежесваренным эспрессо из учительской и ледяным спокойствием тех, кто привык повелевать. Но для меня это утро было отравлено. Я шла по коридору третьего этажа, и каждый стук моих каблуков по керамограниту отзывался в висках тупой, пульсирующей болью.

Я не спала почти двое суток. В субботу ночью, после того как за Игнатьевым закрылась дверь, я так и осталась сидеть на полу в прихожей, глядя на облезлый дерматин. В носу до сих пор стоял запах его мокрой куртки и дорогого виски, а на ладонях — фантомное ощущение тепла его рук. Я была уверена, что сегодня всё закончится. Что он придет с отцом, или завуч Алла Борисовна встретит меня прямо на пороге с приказом об увольнении. Наглые мажоры не прощают отказов, особенно когда их выставляют за дверь в самый пик пьяного откровения.

Я поправила очки, впивающиеся в переносицу. Броня. Узел волос был затянут так туго, что кожа на лбу онемела. План был прост: не смотреть ему в глаза. Быть просто функцией. Озвучить тему, собрать тетради, исчезнуть.

— Таисия Ивановна, задержитесь на секунду.

Голос Аллы Борисовны заставил меня вздрогнуть. Завуч стояла у окна, рассматривая свои безупречные ногти. Сегодня она выглядела особенно грозно — жесткий черный костюм, губы, накрашенные холодным бордовым цветом.

— Да, Алла Борисовна? — я остановилась, сжимая сумку так, что костяшки побелели.

— В субботу в доме Игнатьевых произошел... инцидент, — она медленно подняла на меня взгляд. — Тимофей исчез в середине собственного праздника. Его искали несколько часов. Алевтина в слезах, Сергей Владимирович в бешенстве.

В легких внезапно закончился воздух. Я почувствовала, как по спине пробежал предательский холодок. Она знает? Кто-то видел его такси у моего подъезда?

— Мне жаль, — выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но какое это имеет отношение к учебному процессу?

— Прямое, Ковалева. Прямое. Алевтина утверждает, что Тимофей в последнее время стал... одержим химией. Проводит часы над учебниками, игнорирует окружение. Она считает, что это ваше пагубное влияние.

Алла Борисовна сделала шаг ко мне. От неё пахло лаком для волос и угрозой.

— Послушайте меня внимательно. Вы здесь — случайный элемент. Педагог, которого наняли для конкретных целей. Если ваше присутствие дестабилизирует эмоциональное состояние ключевых учеников, мы найдем катализатор получ-

ше. Репутация гимназии строится на спокойствии её попечителей. Надеюсь, вы меня слышали?

— Услышала, — ответила я, глядя в пол. — Я просто учу их предмету.

— Вот и продолжайте учить. И ни в коем случае не выходите за рамки. Иначе ваш путь в Ржев окажется короче, чем вы думаете.

Я вошла в 304-й кабинет за минуту до звонка. 11-й «А» гудел. Алефтина Рудина, бледная, с припухшими глазами, сидела на своем месте и демонстративно игнорировала всех. Богдан что-то негромко обсуждал с парнями. А на последней парте...

Там сидел он.

Я ожидала чего угодно: вызывающей позы, наглого смешка, новой порции яда или, наоборот, демонстративного прогула. Но Тимофей сидел идеально прямо. На нем была простая школьная рубашка, застегнутая на все пуговицы, кроме одной. Никаких золотых цепей. Никаких платиновых часов на запястье.

Он не смотрел в окно. Не переписывался в телефоне. Перед ним лежал открытый учебник и чистая тетрадь.

Когда наши взгляды встретились, я едва не выронила планшет. В его глазах не было вчерашнего хмельного тумана. Не было той щенячьей мольбы, которая так напугала меня в субботу ночью. Там была пустота. Холодная, выжжен-

ная пустыня, за которой скрывалось что-то пугающе сосредоточенное.

Он посмотрел на меня как на незнакомку. Спокойно, отстраненно, профессионально. Как будто это не он содрогался в рыданиях в моей прихожей.

— Здравствуйте. Садитесь, — мой голос сорвался, и я поспешно откашлялась. — Тема урока: «Ароматические углеводороды. Бензол».

Я повернулась к доске и начала писать формулу. Мел крошился под пальцами. Я чувствовала его взгляд на своей спине — тяжелый, немигающий, лишенный привычного насмешливого блеска. Это было хуже открытого противостояния. Эта тишина была наэлектризована так, что волосы на затылке вставали дыбом.

Обычно 11-й «А» саботировал начало урока шумом, но сегодня в классе стояла гробовая тишина. Все косились на Тимофея. Он же не обращал на одноклассников никакого внимания. Он писал. Быстро, уверенно, заполняя страницу за страницей.

— Игнатьев, — я решилась. — К доске. Напишите структурную формулу гомологов бензола и объясните принцип сопряжения π -связей.

Я ждала, что он откажется. Или отшутится. Алефтина замерла, Богдан выпрямился.

Тимофей встал. Без лишнего шума прошел к доске. Я

невольно отступила, чувствуя, как пространство вокруг него сжимается. Когда он брал у меня мел, я заметила его правую руку. Костяшки были обмотаны тугим слоем белого пластыря. Разбиты.

Он начал писать. Четко. Идеально.

— Принцип сопряжения заключается в перекрывании негибризованных р-орбиталей всех шести атомов углерода, — его голос был низким и совершенно ровным. — Это создает единую замкнутую электронную систему, что обуславливает особую устойчивость бензольного кольца. Энергия сопряжения составляет сто пятьдесят килоджоулей на моль.

Он говорил так, будто читал лекцию в университете. Ни одной ошибки. Ни одной запинки. Он не просто выучил — он понимал.

Когда он закончил, в классе стало слышно, как гудит проектор.

— Садитесь, Игнатьев. Пять, — выдохнула я, боясь поднять глаза.

— Благодарю, Таисия Ивановна, — ответил он. Без издевки. Без второго дна.

Он прошел мимо меня, и я ощутила лишь запах свежести и антисептика от его перебинтованной руки. Ни следа субботнего кошмара.

Весь остаток урока я чувствовала себя как на допросе. Тимофей не спускал с меня глаз, но это был взгляд охотника, который больше не пытается спугнуть дичь. Он изучал меня. Каждое мое движение, каждое слово. Он ловил мои оговорки, следил за тем, как я поправляю очки.

Это не было влечением мажора. Это была стратегия.

Когда прозвенел звонок, класс мгновенно опустел. Алефтина вылетела первой, даже не взглянув в сторону Тима. Он же не торопился. Он медленно собирал вещи, методично укладывая учебник и тетрадь в сумку.

Я делала вид, что очень занята заполнением журнала, хотя буквы расплывались перед глазами.

— Игнатьев, — позвала я, когда он уже был у двери. — Что с рукой?

Он остановился, но не обернулся.

— Встретился с реальностью, Таисия Ивановна. Оказалось, она гораздо тверже, чем я думал.

— Вы... вы вчера были не в себе. То, что вы говорили...

— Забудьте, — он наконец повернул голову, и на его губах промелькнула холодная, едва заметная усмешка. — Вы были правы. «Мальчишка с кредиткой» вчера действительно перебрал. Но не волнуйтесь. Больше этого не повторится. Я усвоил урок.

— Какой урок? — тихо спросила я.

Он посмотрел на меня так, что у меня перехватило дыхание. В этом взгляде была такая пугающая решимость, что мне захотелось запереться в лаборантской и никогда не выходить.

— О том, что некоторые реакции требуют катализатора, — произнес он тише. — А некоторые — просто времени. До свидания, Таисия Ивановна. Жду следующего урока.

Он вышел, оставив меня в пустом кабинете.

Я опустилась на стул. Руки дрожали так, что я не могла удержать ручку.

Он не сдался. Он не обиделся. Он не пошел жаловаться папе.

Он просто сменил тактику.

Раньше он пытался сорвать мой урок. Теперь он собирался стать хозяином в моем мире. Его тишина пугала меня в тысячу раз сильнее, чем его наглость. Я понимала: тот Тимофей, которого я знала — капризный, ленивый, шумный — действительно умер в ту ночь на моем линолеуме.

На его месте появился кто-то другой. Кто-то, кто научился ждать. Кто-то, кто снял золотые часы, но приобрел нечто гораздо более опасное — цель.

И этой целью была я.

Я посмотрела на мелкую крошку на доске, где он только что начертил идеальное бензольное кольцо. Клетка. Он на-

рисовал клетку, из которой я больше не знала, как выбраться.

Впереди была весна, экзамены и мамина операция. А в моем классе теперь сидел человек, который превратил каждый мой вдох в затяжной прыжок без парашюта.

Я закрыла журнал. Рука невольно коснулась того места, где он вчера сжимал мои ладони. Я должна была чувствовать облегчение от его перемены, но в груди разрасталось тяжелое, липкое предчувствие катастрофы.

Реакция вошла в новую фазу. Тихую. Бескровную. И совершенно непредсказуемую.

Глава 11(Тимофей)

(от лица Тимофея)

Гимназический коридор во время большой перемены напоминал растревоженный улей, где каждый пытался жужжать громче соседа, демонстрируя свежий загар после весенних каникул или новую модель наушников. Раньше я был центром этого роя. Теперь я чувствовал себя так, словно между мной и остальным миром выросла стена из пуленепробиваемого стекла. Я видел их, слышал их смех, но это больше не имело ко мне никакого отношения.

Я сидел на широком подоконнике, подтянув одну ногу и положив на колено раскрытый учебник. Химия углеводов оказалась на удивление логичной штукой — куда понятнее, чем хитросплетения отцовского бизнеса.

— Тим, ты серьезно? — Богдан остановился рядом, засунув руки в карманы модных джинсов. — Мы тут забились после уроков рвануть в «Пит-Стоп», там ребята на новых байках будут. Погнали с нами. Хватит косплеить ботана, на тебя уже смотреть больно.

Я поднял голову. Богдан выглядел как всегда — безупречно, дорого, беззаботно. Ещё несколько недель назад я бы первым вскочил и начал обсуждать тюнинг, но сейчас внутри было пусто. Как в выгоревшей лаборатории после неудачного эксперимента.

— Не получится, Бодь, — ответил я, возвращаясь к тексту. — У меня планы.

— Планы? — Богдан сощурился, проследив за моим взглядом, упавшим на формулу бензола. — Слушай, если ты так решил наказать её за то, что она тебя отшила... то это какой-то изощренный садомазохизм. Она тебя игнорит, ты зарываешься в её предмет. Кому ты что доказываешь?

— Себе, — коротко бросил я.

В этот момент мимо проплыла Алефтина в окружении своих верных «фрейлин». Она даже не взглянула в мою сторону, высоко задрав подбородок, но я кожей чувствовал её ярость. Она не могла простить мне того, что я сорвался с крючка. Для неё я был не человеком, а аксессуаром, который внезапно перестал подходить к её сумочке.

Прозвенел звонок. Я спрыгнул с подоконника и пошел в класс, чувствуя на спине недоуменный взгляд друга.

Кабинет 304 встретил нас привычной тишиной и запахом мела. Таисия Ивановна вошла следом за нами. Сегодня она была в сером закрытом платье, которое делало её похожей на монахиню, если бы не те самые глаза за стеклами очков — в них всё ещё жил тот субботний ужас, который я сам туда и поселил.

Она старательно обходила меня взглядом. Отмечала присутствующих, что-то писала на доске, её голос звучал ровно, по-учительски монотонно. Но я видел, как она на мгновение замирает, когда ей приходится проходить мимо моей

последней парты.

— Тема сегодняшнего занятия: «Применение арендов», — произнесла она, не глядя в класс. — Записываем...

— Таисия Ивановна, а вы сами-то хорошо знаете применение? — раздался резкий, капризный голос Алефтины.

Она развернулась на стуле, окинув Тасю пренебрежительным взглядом.

— Я вот слышала, что некоторые химические элементы очень токсичны. Как и некоторые люди. Приезжают из своих деревень, пытаются встроиться в приличное общество, а на деле — просто отравляют воздух своим присутствием. Носят одни и те же обноски годами и думают, что их никто не замечает.

По классу прошел шепоток. Девчонки из компании Али заухмылялись. Таисия замерла у доски, её рука с мелом медленно опустилась. Она не обернулась, но я увидел, как напряглись её плечи. Броня, которую она так тщательно выстраивала, начала давать трещину под ударами малолетней дряни.

— Рудина, — мой голос разрезал тишину класса, как скальпель. — Закрой рот.

Алефтина вздрогнула и медленно повернулась ко мне. Её лицо исказилось от обиды.

— Тим, ты что, её защищаешь? После всего? Да посмотри

на неё! Она же...

— Я сказал: закрой рот, — повторил я, медленно поднимаясь со своего места.

Я не кричал. Но в классе стало так тихо, что было слышно, как гудит люминесцентная лампа под потолком. Я смотрел на Алё так, как научился смотреть на этой неделе — без эмоций, без интереса, как на досадную помеху на дороге.

— Твой голос мешает мне работать. Если тебе так хочется обсудить токсичность, делай это за пределами кабинета. Ещё одно слово в адрес учителя — и я лично позабочусь о том, чтобы твой отец узнал о твоих «успехах» в воспитании.

Алефтина побледнела. Она знала, что я не шучу. Её отец, Рудин, был помешан на имидже «идеальной семьи», и мой звонок мог обернуться для неё лишением всех привилегий на полгода вперед. Она злобно сверкнула глазами, отвернулась и с грохотом раскрыла тетрадь.

Я сел на место. Таисия Ивановна так и не обернулась. Она стояла к нам спиной ещё несколько секунд, а потом начала быстро писать формулы на доске. Её почерк стал немного неровным, но это был единственный признак того, что она вообще что-то слышала.

Весь остаток урока я чувствовал, как класс боится шелохнуться. Я стал для них чужаком. Опасным элементом с непредсказуемой валентностью.

Когда уроки закончились, я вышел на крыльцо гимназии.

Апрельский вечер в Твери был сырым и колючим. На парковке стояли ряды дорогих машин, но моего черного «Гелика» среди них не было. Отец сдержал слово: водитель не приехал, а ключи от машины я сам оставил на комоде в воскресенье.

Я закинул рюкзак на плечо и пошел к воротам пешком. Ощущение было странным. Пять лет меня возили от двери до двери, а теперь я чувствовал подошвами каждый камешек и каждую трещину в асфальте. В этом была какая-то своя, горькая правда.

До автобусной остановки нужно было пройти через парковку для персонала и небольшой сквер. Сумерки сгущались быстро, окрашивая город в сизые, неуютные тона.

Впереди, возле старой серой «Лады», я увидел знакомый синий силуэт. «Таисия Ивановна возилась с дверью старой, ржавой "Лады" Судя по всему, замок окончательно заклинило на весеннем морозе...» — она дергала ручку, её сумка соскользнула с плеча, и тетради веером рассыпались по мокрому бетону.

Я хотел пройти мимо. Честно. Но в этот момент из тени деревьев отделилась мужская фигура. Человек шел нетвердой походкой, в расстегнутой куртке, от него даже на расстоянии веяло перегаром и агрессией.

Я узнал его. Это был Мируныч — бывший муж нашей географички, который периодически появлялся у школы в поисках денег на опохмел или просто чтобы выплеснуть злость

на бывшую жену. Но сейчас перед ним была не жена.

— Эй, красавица! — хриплый голос резанул по ушам. — Помощь не нужна? А то ты такая хрупкая, замок сломаешь...

Таисия вздрогнула, отступив к машине. Она начала лихорадочно собирать тетради, не глядя на него.

— Пожалуйста, отойдите. Я справлюсь сама.

— Да ладно тебе, чего ты такая колючая? — мужчина сделал еще шаг, преграждая ей путь. Он схватил её за локоть, грубо разворачивая к себе. — Дай хоть посмотрю, чего у нас за новые кадры в гимназии...

— Отпустите! — в её голосе прорезался настоящий, животный страх.

Она дернулась, но он держал крепко. В пустом сквере никого не было, охранник на воротах курил с другой стороны здания. Тася выглядела такой незащищенной в этом своем сером платье, что у меня в груди что-то с треском лопнуло.

Я не побежал. Я шел к ним размеренным шагом, чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость.

— Руку убери, — произнес я негромко, когда до них оставалось метра три.

Мужчина обернулся, щурясь в темноте.

— А? Ты еще кто такой? Шел бы ты отсюда, щенок, пока зубы целы.

Я подошел вплотную. Я был выше его на голову и шире

в плечах. Я не стал хватать его за грудки, просто встал так, что он оказался зажат между мной и машиной.

— Меня зовут Тимофей Сергеевич Игнатьев, — сказал я, глядя ему прямо в мутные глаза. Я говорил тихо, копируя интонации отца, когда тот отдавал приказы на ликвидацию бизнеса конкурентов. — Если ты сейчас не уберешь свою грязную лапу от этой женщины, я обещаю: завтра тебя не найдут даже в списках без вести пропавших. Мой отец очень не любит, когда на территории его подшефной гимназии пахнет дешевым пойлом и безнаказанностью.

Мужчина замер. Фамилия Игнатьев в Твери действовала лучше любого электрошокера. Он медленно разжал пальцы, и Таисия тут же отшатнулась, прижимая сумку к груди. Её дыхание было рваным, очки съехали набок.

— Да я... я же просто пошутить хотел... — пробормотал он, пятясь назад. — Чего вы сразу...

— Проваливай, — бросил я, не сводя с него глаз. — И чтобы я тебя в радиусе километра отсюда больше не видел. Время пошло.

Он развернулся и почти бегом скрылся в тенях деревьев. Тишина, наступившая после его ухода, казалась оглушительной. Слышно было только, как капает вода с водосточной трубы.

Я повернулся к Таисии. Она стояла, привалившись к машине, и её мелко трясло. Она пыталась поправить волосы, но пальцы не слушались.

— Вы в порядке? — спросил я, оставаясь на расстоянии. Я помнил, как она прогнала меня в субботу, и не хотел давать ей повода думать, что я использую эту ситуацию.

— Да... спасибо, Игнатьев... — она наконец подняла на меня взгляд. В полумраке её глаза казались огромными. — Я... я не ожидала. Спасибо. Я обязательно... я отмечу твой поступок. Это было очень достойно.

Она попыталась улыбнуться — жалкой, вымученной улыбкой.

— Я завтра поставлю тебе плюс за активность... и вообще, я благодарна. Правда.

Я смотрел на неё — бледную, испуганную, пытающуюся спрятаться за привычными школьными категориями «плюсов» и «оценок». И внутри меня что-то окончательно заledenело. Она всё ещё видела во мне ученика, который сделал «доброе дело» ради похвалы.

— Я не ради оценки это сделал, Таисия Ивановна, — сказал я, и мой голос прозвучал жестче, чем я планировал. — И не ради вашего «спасибо». Просто не люблю грязь на дороге. Убираю её, когда вижу.

Я поправил рюкзак на плече и, не дожидаясь ответа, развернулся и пошел прочь, к выходу с территории.

— Тим! — крикнула она мне в спину.

Я не остановился и не оглянулся. Я шел к остановке, чувствуя на затылке её взгляд. Я знал, что она сейчас стоит там,

одна у своей старой машины, и пытается понять, кто же я такой на самом деле.

Она видела во мне мажора, видела пьяного нытика, теперь она увидела мужчину, который может защитить. И я знал, что этот новый образ пугает её в сто раз сильнее всех предыдущих. Потому что от мажора можно отмахнуться, пьяного можно прогнать, но как запретить себе думать о том, чья спина кажется тебе единственной надёжной стеной в этом городе?

Я сел в подошедший автобус, прислонился лбом к холодному стеклу. Реакция замещения прошла успешно. Я больше не хотел быть для неё «хорошим мальчиком». Я хотел стать её неизбежностью.

Сумерки Твери за окном поглощали огни города, а я улыбался своему отражению. Осадок начал выпадать на дно, и этот процесс было уже не остановить. Она видела во мне опору. А это значило, что моя охота только начинается.

Глава 12

Вода в ванной была почти обжигающей, но я продолжала тереть предплечье жесткой мочалкой до тех пор, пока кожа не пошла пунцовыми пятнами. Мне казалось, что я всё ещё чувствую через ткань платья пальцы Мироныча — сальные, липкие, пахнувшие перегаром и чужой безнадегой.

Но хуже всего было другое. Я закрывала глаза и видела не пьяного хама, а Тимофея. То, как он вырос за моей спиной — внезапный, огромный, пуга

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.